

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 3

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов
Фонд А.
Двадцать два
несчастья. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73274068

SelfPub; 2026

Аннотация

Приключения Сереги Епиходова продолжаются. С одними проблемами он разобрался, но на подходе новые. Получится ли найти общий язык с Хусаиновым? Удастся ли вернуться в медицину? Выйдет ли восстановить доброе имя? Но главное – сколько килограммов можно скинуть за третью книгу, если честно выпивать стакан воды каждое утро, налегать на здоровое питание и не забывать про пробежки?

А тут еще и Валера, похоже, вышел на тропу войны...

Все имена в переписках выдуманы и являются частью авторского замысла.

Администрация сайта ЛитРес не несет ответственности за представленную информацию. Могут иметься медицинские противопоказания, необходима консультация специалиста.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	79
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Фонд А., Данияр Сугралинов Двадцать два несчастья. Книга 3

Глава 1

Назвав меня спасителем, Лейла сменила тему и начала рассказывать о своих переживаниях, а я впервые в жизни на себе ощутил, что такое «завируситься». Стоял с чужим телефоном в руках и смотрел, как мое имя обсуждает полмиллиона человек. Вот уж действительно, «завирусился» быстрее, чем грипп в детском саду.

– Во дает деваха, да? – Тетя Нина забрала у меня телефон и торжествующе потрясла им перед носом проходящей мимо медсестры, уткнувшейся в экран своего мобильного. – Видала, Лариска? Это ж он! Наш Джимми-Джимми ача-ача! Сергей Николаевич Епиходов! Который Хусаинову спас!

Молоденькая медсестра, которая, оказывается, тоже смотрела стрим Лейлы, уставилась на меня так, будто я только что материализовался из воздуха.

– Ой, – сказала она. – Это правда вы?

– Нет, – мотнул головой я. – Однофамилец.

Но было уже поздно. Коридор, минуту назад пустынный и сонный, начал оживать с подозрительной скоростью. Из ординаторской высунулась чья-то голова. Из процедурной до-
неся приглушенный возглас. Две санитарки, тащившие ка-
талку с бельем, остановились и принялись что-то оживленно
обсуждать, поглядывая в мою сторону.

Тетя Нина сияла, как начищенный самовар. Похоже, уже
слила меня в какой-то их больничный чат.

– А я говорила! – объявила она неизвестно кому. – Я всем
говорила, что Сергей Николаевич настоящий доктор! Не то
что некоторые, которые только и умеют, что бумажки пере-
кладывать!

Последнее явно адресовалось административному крылу.
Я мысленно поморщился, представив, как эта новость до-
берется до Харитонов. Впрочем, судя по скорости распро-
странения информации, он наверняка уже в курсе и сейчас
либо рвет на себе остатки волос, либо строчит докладную в
министерство, либо делает и то и другое одновременно.

– Теть Нин, – сказал я, пытаюсь вклинить в поток ее
восторгов. – Спасибо, что показали стрим Лейлы, но из-за
него... В общем, мне пора.

– Куда пора? – Она взмахнула забинтованной рукой. – Ты
ж теперь знаменитость! Тебя ж сейчас все захотят видеть!

Именно этого я и боялся, а потому двинулся к выходу,
стараясь не ускорять шаг и не привлекать лишнего внима-

ния. Получалось плохо: на меня оглядывались, кто-то фотографировал на телефон, а молодой интерн в мятом халате чуть не врезался в стену, засмотревшись.

Возле лестницы меня нагнал знакомый голос:

– Епиходов!

Я обернулся. Рамиль Зарипов стоял в дверях ординаторской, скрестив руки на груди, и лицо у него было такое, будто он только что разжевал лимон и обильно запил его уксусом.

– Хайпуешь? – процедил он, еле сдерживая эмоции. – Поздравляю. Теперь ты у нас герой интернета.

– Спасибо, – ответил я ровным голосом.

Рамиль дернул щекой и зло усмехнулся:

– Думаешь, это что-то меняет? Раз какая-то блогерша ради хайпа тебя в эфире похвалила, все сразу же забудут про твои косяки?

– Не думаю, но и не переживаю.

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент мимо прошла та самая молоденькая медсестра, которая узнала меня по стриму, Лариса. Она посмотрела на меня и, чуть заметно улыбнувшись, кивнула. Потом бросила на Рамиля короткий взгляд и сказала:

– Она не какая-то там блогерша! Это же сама Лейла Хусаинова!

– Работали бы лучше, Чувильская! – выругался Зарипов и скрылся в ординаторской, хлопнув дверью.

Издав смешок, Лариса пошла дальше по коридору, но пе-

ред этим показала мне большой палец.

А я спустился на первый этаж, прошел мимо регистратуры, где три женщины в белых халатах синхронно уткнулись в свои телефоны, и вышел на крыльцо, чертыхаясь, потому что пришел сюда ради Дианы. И так с ней и не встретился.

Я достал телефон, открыл контакты и нажал вызов. Длинные гудки тянулись один за другим, но никто так и не ответил. Попробовал еще раз с тем же результатом.

Либо занята, либо после вчерашней катастрофы с Валерой не горит желанием общаться. Ладно. Это ерунда, можно будет решить, но не здесь и не сейчас.

Я спустился с крыльца, направившись к выходу с территории больницы, и почти дошел, когда дорогу мне преградила невысокая женщина лет тридцати с диктофоном в руке и цепким взглядом.

– Сергей Николаевич Епихов? – спросила она тоном, не допускающим возражений. – Алина Фахрутдинова, «Казань двадцать четыре». Можно задать вам несколько вопросов?

За ее спиной маячил парень с камерой на плече.

– Нет, – сказал я и попытался обойти ее слева.

Она шагнула влево, перекрывая путь – быстрая, юркая, явно не в первый раз берет интервью у тех, кто не хочет его давать.

– Буквально пару слов! Вы видели стрим Лейлы Хусаиновой? Как вы прокомментируете ее заявление?

– Без комментариев.

Я попытался обойти справа, но она снова успела первой.

– Сергей Николаевич, наши зрители хотят знать! Вы действительно провели ту операцию? Это правда, что вас уволили из больницы сразу после нее?

– Девушка. – Я остановился и посмотрел ей в глаза. – У меня нет комментариев. Точка. Если хотите официальное заявление, обращайтесь в пресс-службу больницы или к Лейле Ильнуровне, раз уж она так любит давать интервью.

– Но...

– Всего доброго.

Я обошел ее, на этот раз не дав перехватить, и быстрым шагом двинулся к воротам, чувствуя спиной, как парень с камерой снимает мой уход.

Шел ошеломленный быстротой реакции журналистов. Ведь стрим, по сути, прошел минут пять назад! Возможно, репортерша просто была рядом?

А у ворот завибрировал телефон в кармане. Я посмотрел на экран в надежде увидеть имя Дианы, но звонили с незнакомого номера. Сбросил, однако абонент был настойчивым, набрал еще два раза, а потом прислал сообщение: *«Сергей Николаевич, это редакция “Вечерней Казани”. Хотели бы взять у вас эксклюзивное интервью. Готовы обсудить гонорар».*

От гонорара я бы не отказался, да и рассказать миру о том, что на самом деле произошло в тот вечер, стоило, но, прежде чем отвечать кому-либо, я набрал Караянниса. Он

снял трубку после второго гудка.

– Добрый день, Артур Давидович! – поприветствовал я, но больше сказать ничего не успел.

– Сергей Николаевич, я уже в курсе! – перебил адвокат. – Видел стрим Лейлы Хусаиновой, мне только что переслал запись помощник. Он мониторит инфополе по вашему имени, изучает ваших инфлюэнсеров... Впрочем, это неважно. Важно то, что стрим меняет расклад, причем существенно.

– В какую сторону?

– В обе. Публичная поддержка от дочери Хусаинова – это козырь. Но и риск: любое ваше неосторожное слово теперь разлетится по всем каналам. Поэтому слушайте внимательно.

– Я весь внимание.

– Никаких комментариев в прессе. Вообще никаких. Ни «без комментариев», ни «я подумаю», ни «может быть, позже». Просто не берите трубку с незнакомых номеров. Если подойдут на улице – молча проходите мимо. Если будут настаивать – говорите, что все вопросы через вашего адвоката, и давайте номер моего помощника. Я уже скинул его и сам решу, что и кому отвечать.

– А если спросят про операцию? Про увольнение?

– Особенно если спросят про операцию и увольнение. Сейчас у нас идет подготовка к суду, и любое публичное высказывание может быть использовано против вас. Журналисты будут выдергивать фразы из контекста, перевирать

смысл, ставить рядом с провокационными заголовками. Нам это не нужно.

– Понял.

– И еще. Эта история с Лейлой Хусаиновой... – Караяннис помолчал. – Постарайтесь пока не контактировать с семьей Хусаиновых напрямую. Если они сами выйдут на связь – сообщите мне. Там много подводных камней, нужно понять их намерения, прежде чем вы во что-нибудь ввяжетесь.

– Хорошо.

– Отлично. Держите меня в курсе. И не волнуйтесь – публичность в данном случае скорее плюс, чем минус. Просто нужно правильно ей распорядиться.

Он отключился. Я посмотрел на экран телефона: еще два пропущенных с незнакомых номеров и новая эсэмэска от какого-то «Татарстан-информ».

Удалил не читая, после чего выключил телефон и направился к остановке.

Да, снова своим ходом, потому что моя «девятка» так и не завелась, а заняться ею руки пока не дошли.

Домой я добрался на автобусе. Всю дорогу смотрел в окно, обдумывая слова Караянниса и собственные планы.

Итак, что у меня в активе. Стрим Лейлы наверняка разнесся сарафаном, и мое имя теперь знает половина Казани. Не просто так журналисты охотятся за комментариями. Видимо, девушка что-то вроде местной знаменитости. Селеб-

рити, чья жизнь интересует всех: от уборщицы тети Нины до, не удивлюсь, Эдика Брыжжака.

Так что сейчас Харитонов наверняка рвет и мечет, а Мельник... с Мельником непонятно – может, радуется, что справедливість... нет, пока не восторжествовала, но все же, а может, злится, что я привлек внимание к больнице.

С одной стороны, публичная благодарность от дочери Хусаинова – это серьезный козырь, труднее будет тихо замять дело, повесить на меня все грехи. С другой – внимание прессы означает внимание вообще, ко всему: к моему прошлому, к долгам, к тому, что уволенный накануне по собственному желанию врач-алкоголик внезапно сделал нейрохирургическую операцию, да не кому-то там, а самой... В общем, кто-нибудь обязательно начнет копать, а копать там есть что. И, скорее всего, ребята уже землю роют.

Интересно, что там Рубинштейн? Как девчонка вообще прорвалась в прямой эфир? Ей еще лечиться и лечиться! Не иначе, приболтала охранника или выторговала в аренду телефон у медперсонала.

Ладно, нечего паниковать раньше времени. Да и стоит ли вообще паниковать? Артур Давидович Караяннис знает свое дело, а мне лучше заняться тем, что можно контролировать.

Письмо с запросом («кирпичом» Караянниса) отправлено в больницу. Встреча с юристами Алисы сегодня. Деньги с виртуального счета все еще не пришли, но это вопрос времени. Что еще?

Что еще – вспомнил уже во дворе. «Девятка» стояла там, где я ее оставил в последний раз – на дальнем краю парковки, впритык к покосившемуся забору детской площадки. Грязная, с птичьим пометом на крыше, она выглядела так, будто пробыла здесь не пару дней, а лет десять. Левое зеркало держалось на честном слове и синей изолянте.

Я подошел, открыл дверь водительским ключом и сел за руль. Повернул ключ зажигания. Тишина – даже стартер не щелкнул.

Повернул еще раз с тем же результатом. Аккумулятор сдох окончательно.

Я вышел, захлопнул дверь и посмотрел на машину со стороны. Ржавчина на порогах, вмятина на заднем крыле, происхождение которой терялось во мраке истории, резина лысая настолько, что любой гаишник оштрафовал бы на месте. Техосмотр просрочен на полгода, ОСАГО, кажется, тоже.

И на кой черт мне с ней возиться? И так столько денег штрафстоянка сожрала.

Нет, нужно продавать. Однозначно продавать. Толку от нее никакого, только деньги на стоянку и налог. Вопрос в том, как продать машину, которая не заводится? Притащить на эвакуаторе в автосервис? Это сколько денег на ветер? Или найти покупателя, который возьмет как есть, под восстановление?

– Чего грустишь, сосед?

Я обернулся. Мужчина стоял в паре метров от меня, дер-

жа в руках пакет из «Пятерочки». Помятое лицо, мешки под глазами, трехдневная щетина – хроническое недосыпание читалось в каждой черте, и я автоматически отметил чуть желтоватый оттенок склер и сухость губ. Печень? Или просто обезвоживание от бесконечных ночей с младенцем?

Я вспомнил его – Алла Викторовна назвала его Рина-том, когда я обращался к участковому Гайнутдинову, чтобы усмирить Брызжака.

– Здорово, Ринат, – кивнул я.

– С машиной что-то? – спросил он.

– Да вот, думаю, что с этим чудом техники делать.

– А чего думать? – Он подошел ближе и оценивающе оглядел «девятку». – Продай.

– Хотел бы, но она даже не заводится – аккумулятор сдох.

Ринат присел на корточки, заглянул под днище, потом выпрямился и похлопал машину по капоту.

– Слушай, а как скоро хочешь продать?

– В каком смысле?

– В прямом. Ты ж вроде особо не ездишь, а мне как раз тачка нужна для дачи – дрова возить, картошку. Такая рабочая лошадка для этого самое оно: дешевая в ремонте, запчастки копеечные, жрет немного.

Я посмотрел на него с интересом.

– Хочешь купить?

– Почему нет? – пожал плечами он. – Как есть, со всеми болячками. Сам разберусь – у меня абый в гараже работает,

посмотрит, что к чему. Как раз подработку сделал, деньги есть.

– И сколько дашь?

Ринат почесал небритый подбородок и еще раз оглядел машину, прищурившись.

– Ну... Тыщ сорок дам. Справедливая цена за такой хлам.

Сорок тысяч. Я прикинул в уме: машина убитая – это факт, но еще способна ездить, если аккумулятор заменить, а движок пока вполне живой. Сорок – немного, но зато не надо возиться с объявлениями, просмотрами, торгом с незнакомыми людьми.

– Годится, – сказал я..

Мы пожали друг другу руки. Ринат полез в карман куртки, достал потертый кошелек, отсчитал купюры и протянул мне.

Я пересчитал. Тридцать пять.

– Ринат, мы же на сорок договорились?

– Ну да. – Он и глазом не моргнул. – Сорок минус пять, которые ты летом занимал. Забыл, что ли?

Я открыл рот и закрыл. Спорить было бессмысленно. Я не помнил, но это ничего не значило – судя по образу жизни прежнего хозяина этого тела, он назанимал у половины подъезда. Надо бы выяснить, кому еще торчу.

– Точно, – сказал я. – Извини, вылетело из головы. Тогда все правильно.

Я убрал деньги в карман, и Ринат довольно кивнул.

– Документы давай. ПТС, свидетельство.

Кивнув, я залез в бардачок, нашел замызганный файл с бумагами, вытащил ПТС и свидетельство о регистрации.

– Договор надо написать, – сказал Ринат деловито. – Давай я продиктую, ты пиши. Не в первый раз тачку покупаю.

Я разложил на капоте чистый лист. Ринат нашел ручку и продиктовал: данные продавца, данные покупателя. VIN пришлось протереть рукавом на табличке под капотом, чтобы разглядеть. Цена, дата, подписи обеих сторон – второй экземпляр для него, первый мне.

– Я на учет поставлю в течение десяти дней, как положено, – сказал Ринат, забирая документы и ключи. – Не переживай. Но, если что, сам через Госуслуги на прекращение регистрации подашь, и штрафы на тебя капать не будут. Там просто, я теще так делал, когда она свою лоханку продавала.

Я кивнул, мысленно делая заметку. В прошлой жизни подобными вещами занимались Белла и Ирина, а сам я в последний раз оформлял машину лет сорок назад, еще при Советском Союзе, и с тех пор процедура явно изменилась до неузнаваемости.

Ринат спрыгнул с капота и погладил машину по крылу.

– Не бойсь, я ее в порядок приведу. Будет бегать как новенькая.

Я промолчал – это теперь его машина и его проблемы.

В этот момент во двор въехало темно-синее чудо китайского автопрома – «Хавал-Джолион» – и нагло встало поперек проезда, заблокировав выезд сразу трем машинам. Во-

датель, краснорожий мужик в кожаной куртке, вышел, закурил и направился к подъезду, демонстративно игнорируя все правила парковки.

Из нашего подъезда в этот момент выскочил худой нервный тип.

– Эй! – заорал он. – Ты куда встал?! Я выехать не могу!

Краснорожий обернулся.

– И че?

– Как че?! Убери тачку!

– Сам убери. Я на пять минут.

– Какие пять минут?! Я на работу опаздываю!

Они сошлись посреди двора, размахивая руками и повышая голос.

Ринат хмыкнул и покосился на меня.

– Мужики, – сказал я негромко. – Счетчик тикает. Один штраф за парковку копит, второй давление себе поднимает бесплатно. Оно вам надо?

Оба замолкли и уставились на меня, а краснорожий нахмурился.

– А ты кто такой?

– Сосед, который сейчас смотрит на бесплатный цирк и думает, вызывать эвакуатор или вы сами разберетесь.

– В натуре! – добавил Ринат. – Че за беспредел, мужик?

Повисла пауза. Краснорожий переглянулся с худым, потом сплюнул и потопал к своей «Хавал-Джолион».

– Ладно, переставлю. Капец, мужик, пять минут не мог

подождать!

Через минуту он отъехал, освободив проезд, а худой буркнул что-то невнятное и нырнул в свою машину. Правда, проезжая мимо, опустил стекло и сказал:

– Благодарю, мужики! Совсем эти курьеры нюх потеряли!

Ринат остался во дворе осматривать свое приобретение, а я пошел домой.

Глава 2

А на площадке меня перехватила Алла Викторовна.

Она стояла у своей двери с мусорным пакетом в руке и при виде меня оживилась так, будто ждала этого момента весь день.

– Сережа! – Соседка отставила пакет в сторону и подошла ближе, понизив голос до театрального полусшепота. – Хорошо, что я тебя поймала!

– Что-то случилось?

– Случилось, случилось! – Алла Викторовна округлила глаза. – Тут к тебе журики приезжали! С камерой! Целая бригада – человека три или четыре, я точно не разглядела. Звонили в твою дверь, потом по квартирам ходили, расспрашивали.

– И что расспрашивали?

– Ну как что! Какой ты человек, давно ли живешь тут, с кем, водишь ли кого... Я им, конечно, ничего плохого не говорила. Сказала, что ты приличный молодой человек, врач, помогаешь соседям. Про то, как меня на днях спас, тоже упомянула – пусть знают!

Я мысленно застонал. Караяннис просил не давать комментариев, а тут соседка уже раздает интервью на всю республику.

– Спасибо, Алла Викторовна. А давно они уехали?

– Да только что! – Она сокрушенно покачала головой. – Ждали, ждали, чуть-чуть не дотерпели. Потом сели в машину и укатили. Но сказали, что вернутся! Так что имей в виду.

– Буду иметь, – вздохнул я. Похоже, если бы не Ринат и продажа машины, они бы меня поймали. – Спасибо, что предупредили.

– Да не за что! – Алла Викторовна подхватила свой пакет и направилась к выходу, но на полпути обернулась. – А это правда, Сережа, что ты дочку этого... как его... Хусаинова спас? У меня внучка прислала ссылку, я посмотрела – там девочка такая красивая про тебя говорила!

– Правда, – коротко ответил я и быстро скрылся в квартире, пока разговор не перешел в двухчасовое обсуждение всех подробностей операции.

В прихожей меня встретил Валера – сидел у двери и смотрел с выражением оскорбленного достоинства. После вчерашнего выговора он явно затаил обиду и теперь демонстрировал ее всей своей бандитской сущностью.

– Не начинай, Кутузов, – сказал я, переступая через него. – Сам виноват.

Валера фыркнул и отвернулся.

На кухне я заварил себе успокаивающего чая, сел за стол и...

Не успел и глоточка сделать, как включенный телефон запиликал и завибрировал.

Я изучил, насколько все плохо. Пропущенные вызовы –

одиннадцать штук, все с незнакомых номеров. Журналисты не сдавались. Несколько просьб и требований дать интервью.

И эсэмэска от Мельника: *«Сергей! Нужно срочно поговорить. Жду в пиццерии напротив больницы к 14:00! Это важно»*.

Валера запрыгнул на стол и уставился на экран телефона, словно тоже пытался прочитать.

– Что скажешь? – спросил я его.

Он моргнул и попытался прижать прыгающий телефон ладью, но не удержал и возмущенно фыркнул.

– Вот и я так думаю, – согласился я. – Ничего хорошего. Лейла разворошила осиное гнездо.

До встречи оставалось чуть больше часа. Я допил чай, покормил все еще дующегося Валеру и решил пройтись пешком – благо погода позволяла, да и голову проветрить не помешало бы. По дороге дважды сбросил звонки с незнакомых номеров. Журналисты – народ настырный.

В пиццерию я пришел на пять минут раньше. Однако Мельник уже сидел за угловым столиком, нервно постукивая пальцами по столешнице. Перед ним стояли два картонных стаканчика с кофе – судя по всему, ждал он давно. Увидев меня, кивнул на стул напротив. Я заказал себе зеленый чай и сел.

Михаил Петрович не стал тратить время на приветствия.

– Ты что такое творишь, Сергей?! – раздраженно воскликнул он.

От напряжения у него аж костяшки пальцев побелели. Он был очень недоволен. Чтобы успокоиться, отхлебнул из картонного стакана кофе, обжегся и выругался.

Я молча изучил выражение его лица, а потом включил эмпатический модуль.

Сканирование завершено.

Объект: Мельник Михаил Петрович, 58 лет.

Доминирующие состояния:

- Тревога предвосхищающая (76%).*
- Раздражение защитное (64%).*
- Страх ситуативный (58%).*

Дополнительные маркеры:

- Побеление костяшек пальцев (мышечное напряжение).*
- Учащенное дыхание.*
- Агрессия направлена не на объект разговора, а вовне.*

Так-так. Значит, не просто злится – боится. И злится не на меня, а на кого-то другого. Интересно, кто его так прижал?

А ведь Мельник Михаил Петрович, заведующий отделением неотложной помощи, друг отца Сергея Епиходова и единственный, кто в первые дни после моего попадания сюда протянул Сергею руку помощи и пытался дать ему шанс. Точнее, мне. В общем, нам.

Вот только шанс этот оказался довольно-таки зыбким и призрачным. Двояким каким-то. Потому что успешная операция на черепушке Лейлы обернулась для меня окончательным крахом в профессиональной сфере. Проще говоря, при-

шлось уволиться, пока меня не выпнули по статье. А подсказал так сделать именно Мельник: мол, лучше сделать это по собственному желанию, не дожидаясь, когда тебя уволят.

Что ж, я так и сделал. Вот только адвокат, Артур Давидович Караяннис, узнав об этом, сильно меня отругал. Оказалось, не надо было так делать, а по статье они меня не имели права увольнять. Вот только не знал я этого. До преклонных лет дожил, академиком стал, а увольняться по статье как-то не доводилось.

И вот теперь, после прогремевшего стрима Лейлы Хусаиновой, Мельник предложил (точнее, потребовал) встретиться. Конечно же, отказать ему я не мог. Во-первых, не было оснований, а во-вторых, мне и самому стало интересно, что же такое он хочет сказать.

Поэтому сейчас мы сидели друг напротив друга в пиццерии, где я встречался с Дианой, напротив больницы. Даже за тем же самым памятным столиком.

– Ты что творишь, Сергей? – опять повторил Мельник и сердито посмотрел на меня.

– А что? – развел руками я и тихо добавил, стараясь скрыть усмешку: – Я вроде ничего такого не творю, Михаил Петрович.

– Ты что устроил? Зачем?

На Мельника было страшно смотреть: лицо его пошло красными пятнами.

– Ты совсем не похож на себя, – сказал он, и я вздрогнул. –

Мы же с тобой не об этом договаривались!

Так, а вот это уже интересно! Я прислушался и напрягся, а Мельник тем временем сварливо продолжал:

– У нас была договоренность, Сергей. Ты берешь на себя те три случая, я тихо забираю тебя к себе в неотложку. Долги твои закрываем и с тем старым делом разбираемся. Пару комиссий для виду, предписание, месяц на повышении квалификации в Питере или Москве. Потом какое-то время поработал бы в тени, без операций, но зарплату я бы сохранил. А ты что устроил?!

Ухо царапнула фраза «с тем старым делом». Но я не стал спрашивать, с каким именно делом, потому что этим бы выдал, что совершенно не понимаю, о чем идет речь. Впрочем, ситуация стала немного понятнее. Получается, этих троих пациентов убил-таки не Серега. Их на него повесили. Для чего именно – вопрос уже не первостепенный. Тем не менее надо было что-то отвечать.

Я отпил зеленого чая, посмотрел на Мельника и спокойно спросил:

– Что я не так сделал, Михаил Петрович? Что нарушил? Все как договаривались: перешел в неотложку, отработал там, потом вы сказали уволиться – я уволился. Что еще не так?

– Зачем ты устроил комедию в кабинете комиссии? – рывкнул Мельник. – Харитонов потом знаешь, как ругался! Зачем было ломать всю схему? Зачем ходил к Носик, беседы

с ней проводил? Чего добивался?

– Ну, я пытался узнать, действительно ли меня из профсоюза выгнали, – пожал я плечами с равнодушным видом. – Оказалось, что нет. Восстановился давно еще, просто забыл.

Мельник скривился.

– Да погоди ты с этими профсоюзами, ерунда это все. Он вообще ни для чего не нужен!

Я внутренне хмыкнул и не стал его переубеждать. У людей, которые жили еще при Советском Союзе, укрепилась железобетонная мысль, что профсоюзы – ерунда на постном масле. Наше существование в системе привело к тому, что профсоюзы превратились в некий декоративный элемент, неприятный, но необходимый, к которому все привыкли, смирились и давно не обращают внимания. Пользы от них люди не ждут никакой. На самом деле это один из мощнейших инструментов воздействия на государственную систему и бюрократию. Просто не все умеют им пользоваться. Я вот умел, а Караяннис, насколько мне известно, тем более.

Тем временем, отхлебнув кофе, Мельник продолжил сердитым голосом:

– Ты зачем с Лейлой это устроил?

– Что устроил? – Я изобразил непонимание.

– Ну, после стрима этого дурацкого... ты понимаешь вообще, что происходит? Ты почему ей не запретил?

– Так я же с ней не общаюсь, – вытаращился я на Мельника. – Кто я и кто Лейла? Это же дочь самого Хусаинова!

Ильнура Фанисовича! Так что я понятия не имею, где она сейчас. У меня даже номера ее нет.

Но Мельник сейчас слушал только себя.

– Ты понимаешь, что происходит?! – Он повысил голос и тут же осекся, заметив, что в пиццерии на нас стали оглядываться. – Ты пойми, Сергей, она выступила... Я смотрел это видео – ерунда полная, как можно дочери такого уважаемого человека так себя вести, буффонада какая-то! Впрочем, это другое дело, не будем сейчас...

Он громко сглотнул, схватил кружку с кофе и залпом все допил. Прокашлявшись, продолжил:

– Так вот, она выступила в прямом эфире! Люди начали копать и выяснили, что тебя якобы выжили с работы! Из-за той операции! Но ты же сам уволился! А ее подписчики теперь собирают подписи для петиции о восстановлении тебя на работе! Общественников уже подключили. Несколько тысяч подписей собрали, как мне говорили! Ты понимаешь, что будет, если дело докатится «туда»? – Он свирепо ткнул пальцем в потолок. – Мало нам не покажется! И Харитонов полетит, и все остальные вслед за ним! Ты осознаешь, чем это грозит?!

Я осознавал, но оттого еще больше радовался, что Лейла так поступила.

Возможно, она не должна была подставляться, влезая в эту историю – я, кстати, пока так и не понял, что ее сподвигло, – но, как выражение благодарности, это очень даже хо-

рошо кармически. Юная красавица, скорее всего, выяснила, что произошло со мной, сработал свойственный ее возрасту максимализм, обостренное чувство справедливости, и она затеяла вот это все. Возможно, и наша переписка что-то в ее голове переключила. Не суть.

Кроме того, я был особенно доволен тем, что хотя бы какие-то крохи информации получил из возмущенного потока сознания Мельника. И мне теперь интересно, кто же реально убил этих троих пациентов, раз понадобился козел отпущения? На кого они это свалят? И почему умер Серега Епиходов? И сам ли он так спивался или его кто-то целенаправленно спаивал и подсадил на карты? Тут достаточно много вопросов.

Мельник еще пошумел, а потом посмотрел на меня и вдруг спросил, резко успокоившись:

– Что дальше собираешься делать?

– Как что? – удивился я. – Жить. Нужно кредит раскидать, в квартире ремонт сделать, причем не косметический, а нормальный. Мебель поменять. Помочь родителям на даче... да и вообще. Я вон уже устроился на подработку – БАДы продаю, массаж делаю. Как ваша судебная волокита закончится, устраюсь по специальности. Не только в Казани есть больницы. Все, в принципе, нормально. Живу как все. А что?

– Да все не так, – сказал Мельник, скривившись.

Он пожевал губами и вдруг тихо добавил:

– Надо бы тебе уехать из Казани, Сергей. Хотя бы на вре-

мя.

Я усмехнулся:

– Пока не планирую. У меня еще достаточно дел, которые нужно решить здесь. Да и невыездной я, насколько понимаю. Хусаинов подсуетился. Во всяком случае, пока идет следствие...

– Но я бы тебе настоятельно советовал все-таки уехать, пока мы не разрулим эту ситуацию, – продолжал настаивать он. – Тебе лучше быть подальше отсюда. Я понимаю, что за границу ты не можешь, но в какой-нибудь райцентр, забиться и пересидеть – вполне мог бы. Тебе никто препятствовать не будет.

И я понял, что из Казани лучше пока никуда не уезжать.

Пожав плечами, комментировать это заявление я не стал. Не обладая всей информацией, сложно говорить. Можно запросто попасться на том, что просто не понимаю, о чем идет речь.

И тут Мельник посмотрел на меня и сказал:

– И прекращай издеваться над Виктором!

Я удивился:

– Он что, плакался? Жаловался вам?

– Прекращай язвить, Сергей! Я с тобой по-отечески разговариваю. Помочь хочу! Не трожь Витю, от него жена ушла!

– И жену я увел?

– Да ну тебя, – отмахнулся Мельник.

Ну да, ну да.

Но вслух я, конечно же, ничего такого не сказал. Только вздохнул. А потом спросил:

– А когда они со мной рассчитываться будут?

– За что? – От удивления Мельник стал похож на ошеломленного долгопята. – Ты же свою часть не выполнил! И на комиссии как себя вел! Да ты практически сорвал нам комиссию!

– Погодите-ка, – покачал я головой и усмехнулся, – но троих пациентов все же повесили на меня. И по суду мне еще их родственникам выплатить девять миллионов надо. И меня могут даже посадить за непредумышленное убийство. Я вообще не знаю, чем все это закончится. А вы мне денег не дали. Не-е-ет! Так дело не пойдет! Я за идею страдать не буду!

Мельник забеспокоился и, воровато оглянувшись, хрипло зашептал:

– Тише, тише! Я все выясню и тебе перезвоню. А ты уезжай пока, Сережа, уезжай!

Сказав это, он скомканно распрощался и ушел, не расплатившись за кофе.

А я остался за столом, медленно допивая остывший чай. Честно говоря, сидел и втайне даже от самого себя ждал, что вдруг сейчас возьму и увижу Диану. Не знаю почему, но было у меня какое-то такое то ли желание, то ли ощущение. Я посматривал в окно, но, к сожалению, среди бегущих пешеходов ее не было.

Мысли сделали кульбит: да как же все так закрутилось? Как надоело! Хочется остановиться и отдохнуть. А все никак не получается. Скорее бы уже к родителям на дачу! Да, вполне может быть, что они запрягут меня и придется вкалывать на сельскохозяйственных работах, что я не особо любил. Но на природе ты в любом случае отдыхаешь, духовно и эмоционально перезагружаешься.

Затем я вспомнил разговор с Мельником. Так, что он там говорил про набирающую обороты петицию? Мне стало любопытно, я взял телефон, зашел в сеть и вбил: «*Епиходов Сергей Николаевич*».

Что интересно, когда я делал это чуть раньше, в первую очередь вылезала информация про старого меня – нейрохирурга, академика Епиходова Сергея Николаевича: мои интервью, научные статьи, результаты работы, благодарности пациентов, успехи учеников. Я уже настолько к этому привык, что даже не обращал внимания.

Но сейчас первой появилась петиция «*В защиту доктора Епиходова!*».

Я хмыкнул и с интересом открыл сайт. Там было написано:

«Мы, нижеподписавшиеся, убедительно просим руководство города Казани, руководство Министерства здравоохранения Республики Татарстан, администрацию Казанской городской больницы № 9, а также вышестоящие органы оказать содействие в защите чести и достоинства ка-

занского хирурга, блестящего врача и прекрасного человека, Епиходова Сергея Николаевича!

В октябре 2025 года была проведена уникальная операция по восстановлению жизнедеятельности коры головного мозга Хусаиновой Лейлы Ильнуровны. Вместо того чтобы наградить доктора Епиходова, который практически в одиночку выполнил эту сложнейшую операцию, его с позором уволили из больницы! Более того, привлекли комиссию из Москвы для расследования его деятельности! Насколько нам стало известно, доктор Епиходов теперь не может найти работу по медицинской линии. Также он не может выехать за пределы города: ни через аэропорт, ни через железнодорожный или автовокзал, чему лично стали свидетелями гражданка Белоконь А. Р. и гражданин Иванцов П. П..

Выступление в прямом эфире Лейлы Хусаиновой с описанием этой ситуации возмутило общественность, и сейчас в сети появилось множество отзывов и комментариев в защиту доктора Епиходова.

Мы, общественники города Казани, тоже не можем пройти мимо!

Доктор Епиходов – замечательный хирург с большим стажем, он провел много сложных операций и спас немало жизней. То, что ему приписывают – якобы по его вине погибли три пациента, – еще надо доказать! Никакого расследования не было, а решение уже огласили! Обращаем также внимание на то, что суд планируется на конец этого года,

однако детали дела и точную дату нам не сообщают.

Мы опросили пациентов больницы, которых лечил доктор Епиходов. Все они знают его как корректного, терпеливого и отзывчивого врача и отзываются о нем с большой теплотой...»

Я оторвался от экрана и потер глаза. Ну дела...

Глава 3

И пациентов опросили! Это сколько же времени и людей надо было задействовать? Кто-то очень серьезно взялся за это дело. Лейла одна бы не потянула – у нее ни ресурсов, ни опыта. Значит, либо ее отец подключился, либо какая-то общественная организация учуяла хайповую тему. А может, и то и другое.

Или же... Нет, скорее всего, стрим Лейлы стал не триггером, а заранее спланированным событием, а все эти опросы и петиции были запущены и подготовлены заранее!

Я вернулся к тексту.

«...Мы просим разобраться, как руководство допустило увольнение такого профессионала? Очевидно, администрация просто проигнорировала данную ситуацию, а возможно, и сама ее спровоцировала.

В современном мире люди обладают правами и свободами, но какие права есть у доктора Епиходова, если его даже не проверили, не провели аттестацию, не сделали разбор на медицинском консилиуме? Как можно было уволить человека, который не побоялся провести столь уникальную операцию? Мы хотим встать на защиту нашего доктора, оградить его от несправедливости и клеветы, от нападок коррумпированных чиновников!

Сейчас Епиходов С. Н. по сути является самым бесправ-

ным человеком в нашем городе: любой чиновник может оскорблять его, увольнять когда вздумается и относиться к нему как угодно, пребывая в полной уверенности в собственной безнаказанности!

Мы категорически возражаем против ухода Епиходова С. Н. из больницы, так как это негативно скажется на судьбах многих наших сограждан. Наш город потеряет прекрасного врача, который находит подход к любым проблемам со здоровьем и умеет лечить.

Мы очень хотим, чтобы этот инцидент не повлиял на его дальнейшую работу в больнице № 9, куда мы желаем его возвращения. Мы хотим поддержать доктора Епиходова, который заслужил уважение и доверие жителей нашего города!

В связи с вышеизложенным просим руководство города Казани взять сложившуюся ситуацию под личный контроль и публично озвучить пути выхода из нее, объявить дату заседания суда и сделать его открытым, допустив журналистов и представителей общественности. А также рассмотреть возможность видеотрансляции заседания для объективной оценки и пресечения возможных подтасовок со стороны администрации больницы.

Просим решить эту проблему как можно быстрее!

Верните нам доктора Епиходова!

Неравнодушные жители Казани.

Собрано подписей: 3852».

Я обалдел и несколько минут ошеломленно пялился на уже потухший экран.

Почти четыре тысячи подписей. И это только начало – если за кампанией стоят профессионалы, к вечеру будет втрое больше. Накрутка, боты, репосты по тематическим группам... Технология отработанная, даже я это понимал. Вопрос в другом: кому понадобилось вкладывать такие ресурсы в защиту никому не известного провинциального хирурга?

Мельник правильно занервничал. Если это докатится до федеральных СМИ или, того хуже, до какого-нибудь популярного блогера – мало не покажется никому. Но и мне стоит задуматься: тот, кто способен за полдня организовать такую волну, вряд ли делает это бескорыстно. Рано или поздно придется узнать, какова цена этой «защиты».

К тому же... Да, петиция – это давление, но давление работает в обе стороны. Те, кто затеял всю эту историю с тремя пациентами, тоже не будут сидеть сложа руки.

С мысли сбила вибрация телефона в кармане. Я вынырнул из задумчивости и машинально принял вызов.

Звонила Алиса Олеговна.

– Сергей, ты же помнишь, что мы сегодня должны встретиться?

– Помню, – сказал я, все еще пребывая мыслями там, среди строчек петиции.

– Так, а ты где? Можешь сейчас со мной поехать?

– Напротив девятой городской, в пиццерии.

– В пиццерии?! – Алиса Олеговна издала изумленный возглас. – Как она называется?

– Никак. На вывеске просто написано «Пиццерия».

– Час от часу не легче! У нее даже приличного названия нет! И что ты забыл в этой забегаловке? Ну и ну! Мне ты говорил, что только правильную пищу употребляешь, а теперь пошел в пиццерию без названия?

– Да я здесь только минералку обычно пью. Сегодня вот чай взял. Зеленый. Из пакетика. – Я помолчал и добавил: – А вообще, у меня тут рабочая встреча была.

– Ну вот и прекрасно, с одной встречи сразу на другую. Сейчас я за тобой заеду. Минут через двадцать. Жди.

Я остался сидеть в пиццерии, хотя от Алисиного желания командовать, не считаясь с моим мнением, уже тошнило. Но раз уж вписался ей помочь, доведу до конца.

В ожидании рассматривал посетителей. Вообще, в этом заведении явно ошиблись с названием, потому что ребята готовили все подряд: куриные крылышки, бургеры, картошку фри, шаверму-шаурму-донер-кебабы и тому подобное. Клиенты с удовольствием поедали все это, обильно запивая кока-колой и другой сладкой газировкой. Некоторые из них, которым, судя по прыщавым лицам и поведению, не было и двадцати, габаритами уже перегоняли меня. Да, плохо, когда вот такая еда начинает заменять нормальную. Печень у таких ребят жиром зарастает еще до тридцати, а к сорока они уже постоянные клиенты кардиологов – если, конечно,

доживают.

Не выдержав, я снова заглянул на тот сайт. Количество подписей увеличилось до 4112. Эдак скоро весь город взбунтуется. Интересно, чем мне это грозит? Позволят ли власти города и больницы, чтобы случился «медицинский» бунт? Пусть и в защиту одного-единственного человека?

Хотя не, это я фантазирую. Никто никуда не пойдет. Максимум поставят аватарку «Я-мы-Епиходов».

Порассуждать нормально мне не дала Алиса Олеговна, которая подъехала раньше, чем я ожидал, и сразу позвонила.

– Выходи, Сережа, – сказала она. – Я тут припарковалась, но стоять здесь нельзя, давай быстро.

К этому времени я уже расплатился и за свой зеленый чай, и за кофе Мельника, а потому выскочил и нырнул к ней в машину.

– Здравствуй, здравствуй, – улыбнулась она и торопливо поцеловала меня в щеку, одновременно пытаясь вырулить. – Как ты?

– Да ничего, нормально, – сказал я.

– Что-то ты озабоченный, Сережа. Как настроение? Не передумал стать владельцем заводов, газет, пароходов? – Она весело рассмеялась. – Будешь настоящим буржуем!

– Ну, это же временно, – хмыкнул я. – Все равно десять процентов я тебе верну.

– Вернешь, вернешь, куда денешься, – усмехнулась она и ловко перестроилась в другой ряд. – Сейчас переговорим с

юристами и распишем все в договоре, чтобы никаких потом претензий друг к другу не было.

Я кивнул, соглашаясь. Дальше ехали молча, влившись в поток машин. И тут она вдруг спросила:

– Слушай, Сергей, как думаешь: если я устрою шикарную вечеринку на яхте для своего круга, мой почти бывший муж будет сильно злиться? Причем объявлю, что собираюсь отпраздновать развод с размахом.

– Скорее всего, будет. Особенно если у вас есть общие знакомые.

– Вот я и думаю устроить шик-пати для общих знакомых. – Алиса Олеговна плотоядно усмехнулась. – И еще хочу пригласить тебя.

Мысленно я просто фыркнул, настолько ее телодвижения были прозрачны. Но смолчал.

– Что скажешь? – повторила она.

А что тут отвечать? Идти туда мне не хотелось. При всем моем отношении к этой женщине плюс нарисовавшемуся на горизонте доходу в виде пожизненного процента акций ее фирмы я ей не доверял. Чувствовал какой-то собственнический интерес с ее стороны. Она пыталась замаскировать его под женский, но это было не то.

К сожалению, эмпатический модуль Системы тоже не показал ничего тайного, что я мог упустить:

Сканирование завершено.

Объект: Алиса Олеговна, 44 года.

Доминирующие состояния:

- Расчетливость инструментальная (84%).
- Возбуждение азартное (71%).
- Собственничество латентное (68%).

Дополнительные маркеры:

- Микронапряжение вокруг глаз при упоминании мужа.
- ЧСС 76 (полный эмоциональный контроль).
- Несоответствие между демонстрируемой игривостью

и внутренним холодом.

Что же ты скрываешь, Алиса Олеговна?

– Так что скажешь? – спросила она в третий раз, с насмешкой глядя на меня.

– Я не хочу.

– Почему? – удивилась она. – На яхте будет прекрасный стол. Я специально для тебя часть блюд сделаю суперполезными – для твоего драгоценного здоровья. Да и многие мои знакомые придерживаются правильного образа жизни. Так что не думай, что там будут шматки сала и мясо по-французски, залитое майонезом...

– Ничего не имею против сала, – буркнул я.

Разговаривать после всех этих событий с Лейлой и ее стримом не было никакого желания. Наоборот, хотелось где-нибудь спрятаться и все хорошенько обдумать. Черт, надо было перенести эту встречу.

– Не уходи от темы, – надулась Алиса Олеговна. – Почему ты не хочешь?

Я подумал, как бы покорректнее сформулировать ответ.

– Потому что уже почти ноябрь. На яхте будет холодно и сыро. А я не люблю сырость. Это же не Средиземное море. И не лето. Это фу и бр-р-р-р!

Алиса Олеговна звонко рассмеялась:

– Если тебя беспокоит именно это, Сережа, то я могу провести вечеринку не на яхте, а, например, в одной из своих галерей. Или зафрахтовать спа-комплекс и там, в банях и на горячих источниках, устроить тусовку.

– Не думаю, что твои подруги, разодетые и покрашенные, захотят лезть в парную, а потом с потекшим макияжем и красными лицами появляться перед мужиками, – заметил я и, вспомнив еще один нюанс, добавил: – Тем более, насколько я помню, после ботокса какое-то время в баню все же не советуют.

– Ну да, тут ты тоже прав, – задумалась Алиса Олеговна. – Тогда поступлю как обычно – сниму любой хороший ресторан или отель, и все будет пучком.

– Но тогда это будет неинтересно. Ты же хочешь зверски отомстить мужу?

– Ну да, нужно отомстить так, чтобы его задело. В принципе, у меня еще пара дней есть. Что-нибудь эдакое придумаю. – Она покосилась на меня. – А все-таки, почему ты не хочешь прийти? Это ведь не из-за яхты. Считай, яхты нет, будет просто вечеринка.

– Все равно не хочу. Придумай сама какую-нибудь отмаз-

ку, – равнодушно сказал я и отвернулся к окну.

Мысли опять запрыгали вокруг этой петиции и того, что за всем этим последует.

Дальше ехали молча: Алиса Олеговна дулась, а я думал о том, какой бум поднялся в городе из-за меня и чем все это закончится.

Наконец она привезла меня в офис – самый обычный: темно-бордовая обивка панелей и диванов, много цветов, никеля и картин.

Я прошел через уютный холл. Алиса Олеговна что-то отрывисто сказала секретарю – я не расслышал что. К моему удивлению, секретарем здесь оказался пожилой мужчина лет за шестьдесят, строгий и въедливый. Заметив мое недоумение, Алиса Олеговна усмехнулась:

– А что, неужели ты считал, что я в секретари возьму длинноногую соплюшку с большими сиськами?

– Нет, я, конечно, не этого ожидал, – хмыкнул я. – Но хотя бы молодого мужчину или как-то так...

– А зачем мне молодой мужчина на этом месте? Я лучше возьму компетентного сотрудника. Егор Михайлович проработал в «Конторе Заготзерна» очень долго, был в отделе кадров, прекрасно знает всю эту работу. Одно время даже главбухом побыл. То есть я на него и в экономических вопросах могу положиться. Такие сотрудники на вес золота. Пенсия у него небольшая, поэтому он с удовольствием подрабатывает.

– Но ведь у вас бывают дни, когда надо и на выходных

выходить, и дедлайны до утра...

– Для этого у меня есть еще один сотрудник, помоложе, который хочет делать карьеру. Если что, я его привлекаю. Неужели ты считаешь, что у меня все сотрудники по одному на должность и нет взаимозаменяемости?

Нет, я так не считал. За сорок пять лет в профессии на-смотрелся на «незаменимых». История всегда одна: если специалист в единственном экземпляре, он неизбежно на-чинает выпендриваться, и звездная болезнь прогрессирует быстрее любой онкологии. Знает ведь, что некуда деваться, что без него все встанет. Незаменимых людей не бывает, и для любого руководителя это не пустые слова, а принцип управления. Два-три специалиста на одну позицию – и между ними возникает здоровая конкуренция, подтягивающая качество работы. А если кто-то начинает вилять хвостом или шантажировать уходом, всегда есть ротация.

Так я размышлял по дороге в большой конференц-зал. Подивился, с каким шиком все обставлено, и посмотрел на Алису Олеговну.

Она, будто услышав мои мысли, широко улыбнулась:

– Впечатляет?

После пятизвездочных отелей на пяти континентах, конференц-залов в Вашингтоне, Токио, Цюрихе и Сингапуре и приемов, где между канапе решались вопросы, касающиеся международных грантов, на меня это, конечно, особого впечатления не произвело. Но для небольшой региональной

фирмы – весьма достойно.

– Хорошо у тебя тут, – сказал я. – Особенно учитывая, что фирма, как я понимаю, совсем молодая.

Она польщенно улыбнулась.

Мы устроились в креслах, и буквально через полминуты вошли двое мужчин – прямо чеховские Толстый и Тонкий, только в перевернутом виде: здесь толстый был высоким, а тонкий – низеньким.

Первый – высокий и массивный, отчасти похожий на меня комплекцией, но более мощный, шире в плечах, крепко сбитый – настоящий борец или пловец в прошлом. Добрая улыбка в сочетании с проницательными глазами выдавала в нем опытного переговорщика, привыкшего располагать к себе людей, прежде чем потрошить их юридически.

Второй – маленький и худенький, с быстрыми, почти сутливыми движениями. Черноглазый, с носом крючком, он почему-то напомнил мне эльфа из мультфильма про Дюймовочку – из тех персонажей, что вечно что-то вынюхивают и высматривают. Вот он мне сразу не понравился.

Алиса Олеговна взялась нас представлять:

– Знакомьтесь, господа. Это Сергей Николаевич Епиходов, мой будущий партнер. А это наши юристы – Тагир Зуфарович и Наиль Русланович.

Тагир Зуфарович, толстяк с добрыми глазами, шагнул вперед и крепко пожал мне руку.

– Очень приятно, Сергей Николаевич.

Тонкий ограничился коротким кивком и сухим «Наиль», продолжая сверлить меня взглядом, который, вероятно, считал незаметным.

Алиса Олеговна коротко обрисовала суть дела, и Тагир Зуфарович кивнул, раскрывая папку:

– Мы подготовили пакет первоначальных документов. Вам нужно, Сергей Николаевич, посмотреть их и подписать. Согласны?

– Посмотреть – согласен, – уточнил я. – Подписать – после того как посмотрю.

Толстый юрист одобрительно усмехнулся, а тонкий снова молча кивнул, не сводя с меня изучающего взгляда.

В этот момент в конференц-зал заглянул пожилой секретарь:

– Алиса Олеговна, пришли из представительства. Документы на подпись.

Она поднялась, одернув жакет:

– Мы сейчас с Тагиром Зуфаровичем отлучимся, буквально на пятнадцать минут. Сергей, вы пока с Наилем Руслановичем посмотрите документы, попейте кофе. Если что, он введет вас в курс дела по всем нюансам.

И торопливо вышла вместе с толстым юристом, оставив меня наедине с эльфом.

Наиль принялся разжевывать мне юридические тонкости, явно рассчитывая, что имеет дело с профаном. В договорах я немного разбираюсь – за долгую карьеру через мои руки про-

шли сотни контрактов с поставщиками оборудования, грантовых и трудовых соглашений. Особых замечаний у меня не было, пока не дошли до пункта о возврате десяти процентов через два квартала с сохранением одного процента за мной.

Тут Наиль Русланович запнулся и посмотрел на меня прищурившись.

Я, честно говоря, все еще переваривал эту эпопею с петицией и общественным резонансом и потому не сразу сообщил, к чему он клонит.

– Может, я что-то не так понял? – спросил я.

– Как вам удалось это проверить, Сергей Николаевич?

Он пытался спрятать ехидную усмешку, но получалось плохо. Я изучил его эмоции и мысленно посмеялся. Занятно. Он меня ненавидел и боялся одновременно – причем боялся, похоже, сильнее, чем ненавидел. Интересно, чем я ему так насолил за пятнадцать минут знакомства?

Может, мое внезапное появление в качестве «партнера» он воспринял как вторжение на свою территорию? Боялся, что я его подвину. И ненавидел заранее, профилактически.

– А для вас, как юриста фирмы Алисы Олеговны... это имеет значение?

– Имеет, – нехотя кивнул он. – Нам ведь придется с вами еще долго работать, поэтому мне хотелось бы понимать, с кем мы имеем дело.

– Это не входит в спектр ваших обязанностей, – отрезал я. – Не стоит подвергать сомнению решения Алисы...

– Алисы? – напрягся он. – Вот даже как?

– Алисы Олеговны, – сделал вид, что поправился я. – Не сразу вспомнил ее отчество.

Юрист поперхнулся на полуслове и ожег меня взглядом, но тут же взял себя в руки и с широкой улыбкой перевернул страничку.

– А здесь посмотрите, пункт два-два-один, мы ввели дополнительное соглашение по поводу... – опять защебетал он на своем юридическом языке.

Но у меня из головы не выходил его наезд. Поэтому я, дождавшись, когда он прервется, спросил:

– А все-таки у меня вопрос, Наиль Русланович. Почему вас так раздражает, что один процент остается у меня?

– Нет-нет! Вы что?! Вам показалось! Меня ничего не раздражает! – торопливо заверил он и быстренько перевел разговор на какую-то общую тему.

Как раз вернулась Алиса Олеговна со своим вторым юристом, и беседа плавно потекла дальше. В результате мы подписали документы, и через некоторое время я собрался уходить.

Алиса Олеговна вышла меня проводить и спросила:

– Ты чем-то недоволен, Сергей?

– Почему? – спросил я.

– Ну, я тебя уже немного изучила. Мне кажется, ты как-то не сильно воодушевлен.

– Да нет, устал просто, – отмахнулся я.

Мы прошли еще немного, она что-то говорила. Но я все никак не мог собрать мысли. Столько всего произошло, причем одновременно! Забавно, что Алиса пока понятия не имела о Лейле и ее стриме.

Когда мы уже дошли до самого выхода из ее офиса, я все-таки не выдержал и спросил, потому что, по сути, сейчас повторялась та же история, что с Валерой и с Мариной Носик, когда «мы в ответе за тех, кого приручили».

– Алиса, такой вопрос... Этот второй юрист, он точно на твоей стороне играет?

– На моей, разумеется. – Она удивленно вскинула брови. – С чего ты взял, что может быть иначе?

– У вас с ним что-то было?

– В каком смысле? – не поняла она.

– В прямом. Вы с ним спали?

– Н-нет! – От изумления Алиса даже остановилась, уставившись на меня с потрясенным видом. – Откуда такие мысли?

– А может, ты ему какие-то знаки подавала? Надежды? – продолжил я, игнорируя ее возмущение.

– Нет, что ты! У меня железный принцип – никогда не сплю с сотрудниками, коллегами или соседями. Слишком чревато. Даже мысли не допускала.

– Странно.

– Почему?

– У меня сложилось впечатление, что он на тебя имеет

виды.

– Ерунда, Сережа! Он недавно женился, долго добивался своей супруги. Молодая, красивая. Зачем ему старая разведенка в довесок?

Нет, что-то тут не сходилось. Система показала вполне однозначную картину, и я решил не отступать.

– Алиса, скажу прямо. Ты же понимаешь, что мне от тебя ничего не нужно. Ты сама предложила этот процент. Я вообще шел по парку, а ты сидела на скамейке и плакала.

– Да, конечно. – Она напряглась, почувствовав серьезность разговора. – Говори, не мнись.

– Ты мне доверяешь, иначе мы бы этот договор не подписали. Так вот, с этим юристом будь осторожна. Очень осторожна. Присмотрись к нему повнимательнее, а лучше – пусть его проверят.

– Ты что-то заподозрил?

– Мне кажется, он играет не на твоей стороне. Вполне возможно, что у него с твоим мужем какая-то схема. Или с кем-то из конкурентов. Просто имей это в виду.

Я толкнул дверь, но она схватила меня за руку и, глядя в глаза, сказала:

– Спасибо, Сережа. Ты меня уже в который раз выручаешь.

Эмпатический модуль показал, что говорит она искренне: благодарность, облегчение, доверие. Никакой фальши.

Так что вышел на улицу я с ощущением, что все сделал

правильно.

Сел в предоставленную Алисой Олеговной машину, и ее водитель отвез меня домой.

Глава 4

Дома я с размаху бухнулся на кровать. Прямо как был, в одежде.

Что-то вымотало меня все это совершенно.

Я даже мяуканье Валеры проигнорировал. Тот, впрочем, понял, что мне не до него, и умолк.

И тут раздался звонок. На экране высветился незнакомый номер, но ответил я машинально, а голос узнал сразу.

– Епиходов, спустись. Надо поговорить.

Участковый Гайнутдинов? Зачем я ему понадобился? По интонации было понятно, что дело серьезное, но не критичное. Я мысленно прикинул вероятности и пришел к выводу, что речь, скорее всего, о заявлении, которое на меня накатали соседи. А не поднялся он сам ко мне... потому что устал. Наверное... Ладно.

– Сейчас буду, – коротко ответил я и, преодолевая усталость и лень, поднялся с кровати. Положил трубку и посмотрел на Валеру, устроившегося на подоконнике. Я почесал его за ухом, накинул спортивку и спустился.

На улице мелкая морось висела в воздухе. Промозглый ветер пробирал до костей. Лужи антрацитово блестели в неровностях асфальта, отражая тусклый свет солнца, пробивающийся сквозь свинцовые тучи.

У подъезда стояла бледно-серая служебная «Лада-Веста»,

а рядом с ней, опираясь на капот, Гайнутдинов. Участковый был в форме и смотрел куда-то в сторону.

Рядом с ним замер подросток лет четырнадцати-пятнадцати, в неброской куртке с оторванным бегунком, застегнутой на булавку. Капюшон был надвинут почти на глаза, руки – глубоко в карманах, а плечи напряжены, словно он готов в любой момент сорваться с места и убежать. Я окинул парня взглядом: скуластый, узкоглазый, худощавый, явно недокормленный, рост около ста шестидесяти пяти сантиметров, угловатый. Кроссовки стоптанные, промокшие насквозь, носки, вероятно, тоже. Лицо не разглядеть из-за капюшона, но зубы сжаты, видно даже отсюда.

Гайнутдинов выпрямился, увидев меня, и устало кивнул.
– Нашли метателя, – сказал он без предисловий, кивая на подростка. – Рашид зовут. Живет в соседнем доме.

Подросток дернулся, услышав свое имя, но промолчал, глядя под ноги.

Сканирование завершено.

Объект: Рашид, 14 лет.

Доминирующие состояния:

- Стыд токсический (72%).*
- Страх наказания (68%).*
- Подавленная агрессия (на себя, на обстоятельства) (58%).*

Дополнительные маркеры:

- Избегание зрительного контакта.*

– Мышечное напряжение (готовность к бегству).

– ЧДД 22.

– ЧСС 108.

Система, как обычно, выдала подробный расклад, но я и сам видел, что парень на грани. Еще чуть-чуть, и он либо сбежит, либо, напротив, сорвется в агрессию.

Гайнутдинов жестом отозвал меня чуть в сторону, подальше от подростка, но так, чтобы тот видел нас. Я подошел, засунув руки в карманы куртки, ожидая объяснений.

– Семья трудовая, – начал участковый тихо, но я уловил в его голосе не только усталость, но и что-то еще. Сочувствие, пожалуй. – Отец... сидит. Мать на двух работах, дома бывает редко. Утром уходит, поздно вечером возвращается. Дома бабка, но та еле ходит, из комнаты своей носа не кажет.

Он помолчал, глядя на промокшие кроссовки подростка, затем продолжил:

– Пацан один. Школу прогуливает, связался с плохой компанией.

Гайнутдинов перевел взгляд на меня, оценивающе, словно проверяя, понимаю ли я, к чему он клонит.

– Протокол напишу, поедет в КДН, – продолжил он уже почти шепотом. – Штраф, разборки, опека. Мать это раздавит, она и так на пределе. А пацан... он тоже на грани. Я его еле дотащил сюда, хотел сбежать.

Я посмотрел на подростка, который стоял, сгорбившись, явно слыша каждое наше слово, хотя мы и говорили впол-

голоса. Лица под капюшоном не видно, но по напряженной позе понятно, что он прислушивается.

– Что предлагаете? – спросил я.

Гайнутдинов посмотрел мне прямо в глаза, не отводя взгляда, и твердо сказал:

– Предлагаю решить по-человечески. Чтобы понял, что накосячил, а не чтобы система его сломала. Если протокол, пойдет по наклонной. Видел я таких. Потом не остановишь.

Я задумался, прикидывая варианты. Окно, в общем-то, уже вставлено, деньги я заплатил, претензий никаких нет. Протокол мне ничего не даст, кроме бумажной волокиты и очередного вызова в отделение для дачи показаний. Да и участковый, по большому счету, прав: система действительно ломает таких пацанов.

– Хорошо, – кивнул я. – Без протокола.

Гайнутдинов коротко кивнул и вернулся к подростку. Жестом подтолкнул его ко мне и сказал:

– Давай, Рашид. Говори.

Тот поднял голову, но взгляд все равно был направлен мимо меня, куда-то в сторону. Под капюшоном я разглядел худое лицо с прыщами на лбу и впалыми щеками. Над верхней губой темнел юношеский пушок, пока не знавший бритвы. Губы дрожали, он явно с трудом подбирал слова.

– Простите, – хрипло выдавил пацан. Голос ломался, скакал с низких нот на высокие и обратно, как, впрочем, обычно бывает у подростков в этом возрасте. – Я... не хотел. Про-

сто... делать было нечего... Бросил. Попал. Дурак я.

И в этот момент эмпатический модуль обновил данные: теперь доминирующей реакцией стал стыд (90%). Ну что ж, раз стыдно, уже хорошо. Значит, не безнадежный.

Я посмотрел на Рашида. Говорить с ним как с маленьким было бы оскорбительно, а читать нотации бесполезно. Поэтому просто сказал:

– Проехали. Стекло уже заменили, дело закрыто...

Подросток дернулся было, словно собрался развернуться и уйти, но я продолжил, поймав его взгляд:

– Главное, больше так не делай. В следующий раз могут не отпустить так легко. И не повезет так, как сейчас. – Я помолчал, давая словам дойти, затем добавил тише: – И не я один могу оказаться по ту сторону стекла. Мог быть ребенок в люльке или старушка... Понимаешь?

Рашид кивнул: быстро, несколько раз подряд, – а Гайнутдинов полез во внутренний карман форменной куртки и достал сложенные вдвое купюры. Две тысячи, судя по номиналу.

– За стекло, – сказал он, протягивая мне деньги.

Я удивленно посмотрел на него, не ожидая, честно говоря, такого поворота.

– Не нужно, – возразил я. – Стекло уже заменили.

– Нужно, – сказал он стальным тоном, не терпящим возражений. – Чтобы вопрос был закрыт как полагается.

Я посмотрел ему в глаза и понял, что отказываться бес-

смысленно. Это было, очевидно, принципиально для участкового. Он платил из своего кармана, чтобы, возможно, научить парня ответственности.

Взяв деньги, я кивнул:

– Хорошо. – Затем повернулся к Рашиду и спокойно добавил: – Считай, что расплатился.

Подросток быстро кивнул и развернулся, почти бегом направляясь к соседнему дому.

Гайнутдинов проводил его взглядом, затем задержался еще на мгновение, глядя мне в глаза.

– Он не плохой, просто... один. Отца нет, мать не видит, бабушка... В общем, извини. Некому за него взяться. Улица «воспитывает».

Он кивнул на прощание и направился к своей машине. Сел за руль, завел мотор, который заурчал, прокашлявшись пару раз, и медленно выехал со двора, огибая лужи. Задние фонари мигнули красным и растворились за углом дома.

Я уже направился к подъезду, когда услышал знакомый голос:

– Серега! Эй, Епиходов!

Обернувшись, увидел Танюху. Соседка торопливо шагала ко мне, в руках у нее было что-то объемное, темно-синее. Промокшая куртка облегала фигуру, а из-под капюшона выбивались мокрые пряди русых волос.

– Стой, не уходи, – сказала она, подойдя ближе и протягивая мне сверток. – Вот. Держи. Это тебе.

Я взял, развернул и увидел куртку. Темно-синяя, плотная, явно не из дешевых. На левом рукаве белел лейбл Stone Island. Добротный итальянский бренд, когда-то модный и популярный.

– Откуда? – спросил я, рассматривая куртку с компасом на нашивке на левом рукаве чуть ниже плеча.

– С работы типа, – махнула рукой Танюха, стряхивая капли с волос. – Одна хозяйка мне отдала, сказала, муж носить перестал, а выбросить жалко. Вещь-то хорошая, просто у них каждый год новое, а старое... расхламление гардероба типа. Вот, раздает, когда добрая. Я обычно такое продаю или меняюсь с девками, но тут подумала... – Она замолчала, поджав губы, затем продолжила быстро, почти сердито: – Серега, больно же смотреть, как ты в этих своих обносках мерзнешь. Уже типа ноябрь, считай, холодрыга собачья, а ты все в тряпье своем. Померишь хоть?

Я посмотрел на куртку, затем на Танюху. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на меня выжидательно, но в глазах было что-то, чего я раньше не замечал. Забота, что ли.

– Спасибо, Таня, – сказал я и благодарно улыбнулся. – Не ожидал.

– Да ладно тебе, – буркнула она. – Померишь или как?

Я скинул промокшую спортивку и натянул куртку. Размер подошел почти идеально, может, чуть свободнее в плечах, но это только к лучшему. Тело сразу обволокло теплом, словно

я надел броню от промозглого ветра.

– Нормально сидит, – удовлетворенно кивнул я. – Спасибо, Тань. Правда выручила.

Она усмехнулась, довольная:

– Ну вот. А то ходишь, как типа бомж какой-то. Теплее хоть станет. Ладно, побегу я Степке ужин готовить.

Она развернулась и, улыбаясь, быстро зашагала к подъезду, а я поднял воротник куртки, защищаясь от ветра, и пошел вслед за ней тоже с глупой улыбкой на лице.

С самого утра пятницы, закончив утренние ритуалы и пробежку, я занимался делами. Обменялся письмами с Караяннисом, поговорил с его помощником по поводу ситуации со стримом Лейлы, которая, как выяснилось, находилась даже не в Казани, а в какой-то навороченной клинике в Москве. В какой конкретно – он не знал, это держалось в тайне.

Потом я и сам начал копать, изучая местные новостные порталы и читая все, что касалось нашумевшего стрима. Интернет, как водится, уже вовсю бурлил, и на казанских форумах с телеграм-каналами развернулась настоящая баталия.

@dimok_1987: Епиходов из 9-й больницы – это который картежник и бухарик? И его еще хвалят?

@belka_v_kolese: Там все бухают, я там работала, знаю.

@hrundel: Да какая разница, уволили и правильно сдела-

ли. Развели культ из алкаша

@masya2003: Сам ты алкаш. Он мою бабушку смотрел, нормальный врач

@tonythetiger: Операция на Хусаиновой – реально высший пилотаж. Кто в теме, тот понимает

@vishnya_y_sahare: А правда что он бесплатно бабушек в подъезде лечит???

@kot_begemot_56: БЕСПЛАТНО??? В наше время??? Святой что ли?

@krosostka_25: Сергей Николаевич – золотые руки!

На «Пикабу» кто-то накатал целый пост под заголовком «История казанского хирурга, которого уволили за спасение дочери олигарха», и в комментариях уже перевалило за две тысячи сообщений. Половина требовала посадить заведение, остальные призывали не верить хайпожорам. Единицы говорили, что нужно дождаться результатов проверки.

Отдельным цирком шли те, кто знал Серегу лично. Некая Ираида Вазгеновна – такой у нее был никнейм – заявила, что была первой женщиной в жизни Сереги, и уже тогда он показался ей «очень нежным и заботливым». Комментарий набрал триста лайков и сорок ответов, половина из которых требовала пикантных подробностей.

@vano_che: Учились вместе с Епишкой, ровный был, на лекциях спал, но экзамены сдавал

@ lyalya _n: Работала с ним. Руки золотые. После того случая его как подменили.

Последний комментарий меня зацепил. Какой случай? Тот самый, из-за которого Серега запил? Я попытался разузнать подробности, но @lyalya_n больше ничего не писала и в личку не отвечала.

В общем, я все глубже уходил в изучение Серегиного прошлого, собирая по крупичкам мозаику чужой жизни, которая теперь стала моей. От этого занятия меня оторвал звонок в дверь. Вернее, сначала кто-то постучал – тихо, несмело, – а потом все же звякнул, коротко и один раз.

– Где это тебя так угораздило? – подивился я, открыв дверь и обнаружив на пороге абсолютно несчастного Степана.

Тот светил огромным фингалом и вид имел совершенно растерянный и печальный.

– Да вот... – зло всхлипнул он и стыдливо вытер глаза рукавом. Вся его худенькая нахохлившаяся фигурка говорила о том, что с расспросами сейчас лучше не лезть.

Я и не стал.

– В школе подрался, что ли? – все же спросил я чисто для порядка.

– Да ну его! – отмахнулся от проблемы первоклассник и сразу же добавил: – Я это...

– Заходи давай! – прервал его я и гостеприимно распахнул дверь пошире.

Степка замялся на пороге, больше для приличия, но все же вошел. Долго-долго возился у двери, снимая куртку и пе-

реобуываясь, вздыхал, топтался, потом кое-как справился.

– Слушай, дядя Сергей, – помявшись, сказал он. – А можно я у тебя тут спрячусь и немножко побуду? Я могу и под столом посидеть.

– Зачем? – не понял я.

– Да сейчас мамка придет, увидит фингал – ругаться будет, – тоскливо вздохнул Степка и от такой вселенской несправедливости шмыгнул носом.

– А когда она придет?

– Ну, через час где-то... или чуть больше...

Минут через двадцать мне требовалось уйти по своим делам, но оставлять мальчика прятаться где-то в подвалах или на чердаках было неправильно. А страх перед матерью однозначно говорил о том, что Степка что-то натворил. Стопроцентно она, вместо того чтобы нормально и по справедливости разобраться, сразу будет орать, а то и отлупит. Поэтому мне ничего не оставалось, кроме как оставить его у себя.

– Но ты мне сначала должен рассказать всю историю, – строго, но мягко сказал я, – вдруг ты преступник какой? Я вот тебя сейчас у себя дома оставлю, а меня потом за укрытельство беглых каторжников тоже в тюрьму отправят.

– Почему тоже в тюрьму? – перепугался Степка и торопливо добавил: – Ты не думай, дядя Сережа, я не преступник! Честное слово!

– А фингал тогда откуда? – задал провокационный вопрос я.

Валера вышел из своего лежбища, увидел Степана, зашипел недобрым голосом и вернулся обратно. По всей видимости, между ними сформировалась стойкая обоюдная антипатия. Впрочем, у Валеры, похоже, ко всем стойкая антипатия. Единственная, кого он более-менее согласен терпеть, – это, как ни странно, Татьяна. Но тут, думаю, дело в импринтинге – она стала в его жизни первым человеком, который его накормил. Может, он воспринимал ее теперь как маму.

– Да тут такое дело... – принялся торопливо излагать Степка, справедливо рассудив, что я ведь могу и обратно в подъезд выгнать. А там холодно. Да и есть так-то охота.

– Говори! – кивнул я.

– В общем, мы пошли с Пашкой и Ильдаром гулять к ним во двор, – с тяжким вздохом принялся рассказывать Степан. – Они из моего класса. И мы игрались в войнушку, а потом Ильдара мамка загнала домой, а мы с Пашкой вдвоем остались. А вдвоем в войнушку неинтересно же, сам понимаешь...

Я понимал. Сам таким был когда-то, правда, очень давно. Еще при Хрущеве.

– Ну так вот, – продолжил Степан. – Пашка подходит такой и говорит: а давай с тобой в одну игру поиграем. В нее вдвоем хорошо играть. Возьми с дерева листочек и спрячь его на себе. Если я найду – ты мне своего синего динозаврика отдаешь. А если не найду – отсажу тебе своих муравьев.

– Что за муравьев? – сразу выделил главную проблему я. –

Живых, что ли?

– Конечно живых! – даже возмутился такой непонятливостью Степан. – Пашке на день рождения муравьиную ферму подарили! Формикарий называется. А я тоже такую хочу, но мамка не разрешает. Говорит, они у тебя все разбегутся, потом дихлофоса не напасешься...

Я с Татьяной в этом вопросе был солидарен. Особенно зная Степкину безалаберность.

– А дальше что? – попытался я вернуть в конструктивное русло детский монолог.

– Пашка отвернулся и зажмурился. И начал считать до двадцати. Ну, как положено. А я взял листочек, с березы, небольшой, – принялся обстоятельно рассказывать Степан. – И спрятал его в подстежке куртки. Мне туда мамка кармашек такой тайный пришила, чтобы я карточку не потерял.

– Так ты с карточкой уже ходишь? – отметил я. – Как взрослый прямо.

Степка польщенно кивнул и продолжил:

– Я взял и туда этот листочек положил. Так его и не найдешь. А Пашка не знает же. И он начал искать – проверил карманы, заглянул в ботинки, посмотрел в капюшоне, а потом такой говорит – да ты его во рту спрятал! А мне так обидно стало, я рот открыл и говорю – смотри, там ничего нет. А он говорит, а ты шире открой. Я шире и открыл. А Пашка мне туда кучу листьев затолкал и смеется. Я еле-еле все выплюнул, а он начал убегать, гад такой. И дразнится! Я за

ним погнался, догнал и рюкзаком по голове треснул, а он мне фингал поставил. А потом я его еще треснуть хотел, а там из подъезда какой-то дядька вышел и ругаться начал. Я и убежал...

Степка опять вздохнул с самым несчастным видом от такой вселенской несправедливости.

– Ладно, Степан, – сказал я, с глубокомысленным выражением лица выслушав подробный душещипательный рассказ. – Дело у тебя, конечно, серьезное. Так что сейчас иди в ванную, мой руки, там туалет, если надо. И я тебя покормлю.

– Нет, дядя Сережа, не буду я вас объедать, – заявил категорично Степан.

– А это еще почему?

– Продукты сейчас дорогие, – рассудительно сказал он. – Зарплаты маленькие, приходится пахать, как проклятый... Еще и я, проглот ненасытный.

У меня от таких слов аж челюсть отвисла. Ну, Танюха! Получишь ты у меня!

А вслух сказал:

– Ну да, ты отчасти прав, Степан. Поэтому мы поступим таким образом: я тебя покормлю, а ты за это мне одно дело сделаешь?

– Но это же будет эксплуатация детского труда! – укоризненно посмотрел на меня Степан.

Я невольно восхитился: нахватался же в интернетах таких слов.

– Можно сказать и так, – согласился я. – Ну, у тебя, получается, два варианта: или просто покушать, как захребетник и проглот, или же покушать, а потом отработать.

– Второй, – с понурым вздохом нехотя сказал Степан. – Ну, я надеюсь, что ваша работа будет не тяжелой, и я с ней справлюсь. А ведь мне еще уроки учить. И стих задали.

– Не тяжелая. Нужно поиграть с Валерой.

– Не буду я с ним играть! – моментально надулся Степан, и даже уши у него покраснели.

– А я тебя научу, как надо. Вот смотри: на эту веревочку привязываешь бумажку. Можно фантик от конфеты. Но у меня нет, поэтому подойдет кусочек квитанции. – Я оторвал лоскут, привязал и затем показал, как та прыгает. – А потом делаешь перед ним вот так.

Валера заинтересованно выглянул из своего лежбища и тут же спрятался.

– Понял! Я так тоже умею! – просиял Степан. – У нас во дворе Покемон жил когда-то, он был таксой, и мы так тоже с ним играли. Валера, выходи!

– Вот и хорошо. Только сперва покушаешь, а потом немного поиграешь в комнате с Валерой, а я схожу в аптеку. Договорились?

– Ага! – обрадованно кивнул Степан, которому уже не терпелось взяться за кота.

Так что, когда выходил из дома, за порядок я был почти спокоен. Степка и Валера увлеклись игрой.

Надеюсь, до драки не дойдет. Доверия ни один, ни другой не заслуживали.

А еще было бы здорово, если бы Степка научил Валеру грызть когти.

Глава 5

Организм мой (я с удивлением заметил, что начал относиться к этому телу как к своему, перестав считать себя временным гостем) потихоньку приходил в норму, откликаясь на каждое усилие с благодарностью. Прогноз жизни, еще недавно измерявшийся жалкими днями, перевалил за год. Человеческий организм, надо признать, удивительная машина: дай ему шанс, убери постоянную интоксикацию, и он начинает чинить сам себя с завидным упорством.

Впрочем, останавливаться на достигнутом я не собирался, потому что, хотя острая фаза осталась позади, до полного восстановления было еще как до Пекина раком.

В идеале сейчас следовало бы рвануть в хороший санаторий, где тебя кормят по расписанию, поят минеральными водами под контролем врача и гоняют на физиопроцедуры. Однако какой, к черту, санаторий, когда на мне висят суды, комиссии, кредиты и полосатый террорист, требующий ежедневного внимания и свежего корма? Так что придется устраивать санаторий на дому, благо ничего сверхъестественного для этого не требуется.

Первое, с чего начинают во всех приличных здравницах от Кисловодска до Карловых Вар, – это курс минеральной воды, и я направлялся в аптеку именно за ней. За настоящей лечебно-столовой, которую пить надо по схеме и с понима-

нием дела. Выбор мой пал на «Ессентуки №4», и вот почему. Эта вода относится к натриево-гидрокарбонатно-хлоридным, имея минерализацию около десяти граммов на литр, что делает ее именно лечебно-столовой, а не просто вкусной водичкой с пузырьками. В составе присутствуют гидрокарбонаты, хлориды, натрий с калием, немного кальция, магния и борной кислоты. Звучит как выдержка из таблицы Менделеева, однако работает эта комбинация изящно: гидрокарбонаты мягко ощелачивают внутреннюю среду и стимулируют желчеотделение, поддерживая измученную алкоголем печень. Хлориды, в свою очередь, улучшают секрецию желудка и моторику кишечника, а бор в малых дозах участвует в обмене веществ.

При моих показателях, включающих жировую дистрофию печени, нарушения углеводного обмена и вялое пищеварение после стольких лет алкоголизма, «Ессентуки» подходили идеально. Благо противопоказаний не было: ни острых воспалений, ни желтухи, ни камней в желчном.

Схема приема отработана поколениями курортников: по стакану три раза в день, за тридцать минут до еды, причем воду нужно слегка подогреть до комнатной температуры и убрать лишний газ, чтобы не раздражать слизистую желудка (но понятное дело, что я этого делать не буду, так как лень. И так попыю). Курс – две-три недели, после чего обязателен перерыв. Никакого фанатизма, потому что минеральная вода не компот и не лимонад, ее нельзя хлестать бесконтроль-

но. Переборщишь с минерализацией, и вместо пользы получишь нагрузку на почки и сдвиг электролитного баланса, что при моем состоянии крайне некстати.

И обязательно брать воду в стеклянной таре, потому что в пластике минералка перестает быть лечебной. Микрочастицы пластика, миграция веществ из тары под воздействием углекислого газа, потеря лечебных свойств – все эти прелести прилагаются к дешевой пластиковой бутылке бесплатно.

Разумеется, «Ессентуки» не являются волшебной таблеткой, и я отдавал себе в этом полный отчет. Никакая минералка в мире не вылечит цирроз и не рассосет атеросклеротические бляшки. Однако, как часть комплексного восстановления, мягкая ежедневная поддержка измученной печени и ленивого кишечника, срабатывает.

С этими мыслями я толкнул стеклянную дверь аптеки, ощутив на лице волну теплого воздуха с характерным запахом.

При моем появлении Майя, сидевшая сегодня на кассе в белоснежном халате, прямо расцвела улыбкой.

– Это вы! – Она поправила выбившуюся из-за уха прядь и слегка подалась вперед. – Опять для Валеры что-то надо?

– Здравствуйте! – улыбнулся я в ответ. – Нет, не совсем. У вас есть «Ессентуки»? Лучше номер четыре.

– Конечно есть, – ответила она. – Но «Боржоми» вкуснее.

– Да мне не для вкуса. Для дела. Пробеите пятнадцать бутылок, пожалуйста.

– Зачем вам столько? – удивилась она.

– Котика купать буду, – отшутился я, решив не грузить девушку своими проблемами. – Говорят, полезно для шерсти.

Майя охнула и вытаращилась на меня, словно Менделеев на конечный результат смешивания спирта с водой. То есть изумленно. Точнее, очень изумленно.

Но молча начала пробивать.

Когда я принялся осторожно складывать бутылки в прихваченный из дому полотняный шоппер, она таки не выдержала и спросила:

– А жена ваша знает, что вы такие деньги на котика тратите... – Запнувшись, девушка посмотрела на меня.

– Сергей, – напомнил я, подзабыв, представлялся ей ранее или нет. Кажется, все-таки нет. – Меня зовут Сергей. Да и нет у меня никакой жены. Поэтому никто не может мне запретить тратить деньги на котика.

Взгляд Майи затуманился, и она опять машинально поправила локоны. Причем раза три подряд, и я понял, что погорячился со своей откровенностью. Медом им, что ли, намазано? Чего их всех так к Сереге тянет? Ну да, он большой, мягкий и плюшевый, как мишка, но... Нет, ничего я не понимаю в женщинах, получается.

С этими мыслями я вознамерился расплатиться и свалить от греха подальше, потому что дома меня ждали два бандита: Степан и Валера, – оба наверняка голодные и способные на мелкие пакости в отместку за долгое нахождение без при-

смотра взрослых. Однако Майя почему-то не спешила озвучивать сумму покупки, задумчиво разглядывая стену.

– Платить буду карточкой, – мягко напомнил я о себе, кивнув на терминал.

– Я понимаю, но у вас ведь есть приложение нашей аптеки? – спросила Майя и торопливо, пожалуй, даже слишком, добавила: – С ним будет скидка... Сергей.

– Нет, – признался я. – Недавно сменил телефон, еще не успел установить.

Это была чистая правда: старый Серегин сотовый, забытый под завязку непонятными приложениями, я отложил в коробку с хламом. На новом красовались только самые необходимые программы, и аптечная программа лояльности в их число пока не входила.

– Ой, ничего страшного! – оживилась Майя с такой готовностью, словно только и ждала этих слов. – Давайте прямо сейчас скачаем, это буквально минутка. Там сразу сто бонусных рублей начислится. Я вам помогу, давайте телефон.

Я покосился на собравшуюся очередь за спиной. Пожилая женщина с авоськой терпеливо изучала витрину, молодой парень в наушниках листал ленту в телефоне. Никто не роптал.

– Ну давайте, – согласился я, доставая смартфон.

– Сейчас я вас быстренько зарегистрирую, – сказала Майя. – Диктуйте свой номер.

Ну я и продиктовал. Сперва номер телефона, потом, когда

приложение потребовало, домашний адрес. Скидка, к слову, оказалась смехотворной, рублей пятьдесят от силы, помимо бонуса за регистрацию, зато теперь у Майи имелись мой телефон и адрес, аккуратно занесенные в базу данных аптечной сети.

Интересно, как скоро она позвонит?

Или сразу заявится в гости, прихватив для приличия пузырьки корвалола?

Когда я вернулся домой, к моей вящей радости, Степка с Валерой продолжали мирно играть, а квартира не была перевернута вверх ногами. Даже шторы уцелели.

Степка сидел на полу посреди комнаты, сосредоточенно дергая за нитку с привязанной бумажкой, а Валера носился вокруг него кругами, периодически совершая акробатические прыжки с переворотом в воздухе. Для котенка, который еще две недели назад еле ползал от истощения, это было впечатляюще. Глаза его блестели охотничьим азартом, и даже хвост, раньше похожий на облезлый шнурок, теперь торпорчился пушистым вопросительным знаком.

– Степка, ты когда свои стихи учить будешь? – спросил я.

– Я сейчас занят, – нетерпеливо сказал Степка и дернул за ниточку так, что бумажка подпрыгнула высоко вверх, а Валера, который как раз рванул вперед, пролетел мимо и возмущенно мяукнул, обнаружив, что ничего не поймал. – Отрабатываю свой обед, сам же видишь!

– Ты его уже отработал, – сказал я. – Так что давай садись

учить уроки. А потом, если останется время, еще поиграешь с Валерой.

– Мы не закончили, – бросил мне Степка категорическим тоном.

Мальчик опять дернул за бумажку, но Валера уже раскусил его манипуляции и, вместо того чтобы прыгать, проследил, где остановится цель, и прыгнул как раз на нужное место. Но Степка в последний миг как-то исхитрился опять рвануть ее в сторону, и Валера не попал. Комнату огласил возмущенный кошачий вопль. Валера явно психанул, и нужно было спасать ситуацию.

Но ничего сделать я не успел, потому что раздался звонок входной двери. Я пошел открывать и обнаружил изрядно растерянную и взволнованную Танюху.

– Серега! – крикнула она, заламывая руки. – Ты представляешь, мой ребенок пропал! Господи, где же его черти носят?! Я ему звоню, звоню, а он не отвечает! Что делать? Полицию вызывать или типа морги обзванивать?

Руки у нее тряслись. Она вся была красная, потная.

– Я уже все дворы обежала. Не знаю, че делать... – Тут она запнулась, увидев за порогом Степкины ботинки.

– Проходи, – сказал я.

Потому что дальше скрывать от матери местоположение ребенка было аморально. А кроме того, уже и неактуально.

За моей спиной, в комнате, где до этого носились два безобразия в виде Степана и Валеры, вдруг наступила абсолют-

ная тишина. Когда мы с Танюхой вошли, там никого не было.

– А где это он? – удивленно спросила Танюха, оглядываясь по сторонам.

– Да был здесь, – сказал я. – Только что.

Заглянули под стол, но и там никого не оказалось. В лежанке сидел Валера, который вылизывал лапку и делал вид, что вообще ни при чем.

Ну, под диван мальчик явно залезть не мог, под кровать – тем более: там тоже все пространство забито всякой рухлядью и коробками.

– Может, в шкафу? – неуверенно сказала Танюха.

Не дожидаясь моего ответа, она распахнула створку, но и там Степана не обнаружила.

Странно, только что тут был, бегал с Валерой, вот на полу игрушка валяется. Куда он делся, не понимаю...

– Если бы не увидела его куртку и ботинки у тебя в прихожке, в жизни бы не поверила, что он здесь, – сказала Танюха, у которой мысли крутились в том же направлении. – У тебя ж и спрятаться негде.

И тут же она метнулась в угол, торжествующе сунула куда-то руку и за ухо вытащила Степана. Оказалось, у меня между шкафом и стенкой была узкая щель, где стояло всякое барахло. И Степан как-то умудрился туда втиснуться.

– Ай! – заверещал пацан возмущенно.

– Ты где фингал получил, гад такой? Опять подрался?! Ты, двоечник, давай дневник покажи! – заверещала Татьяна.

В лежанке несчастному Степану вторил Валера, который прекратил умываться и, вероятно, слишком близко к сердцу воспринял тот факт, что его соратника по играм так несправедливо тянут за ухо.

Вышеупомянутое ухо прямо на глазах активно наливалось краснотой. Делать замечание Татьяне при ребенке было непедагогично, чтобы не ронять материнский авторитет, но и смотреть на то, как она издевается над парнем, было выше моих сил.

– Татьяна, Степан сейчас пусть соберет свои вещи, а мы с тобой давай чайку попьем и перекинемся парой слов, – решил разрулить ситуацию миролюбивый я.

Она бросила таскать за ухо хнычущего Степана и раздраженно отправилась за мной на кухню. Я сделал чай и разлил по чашкам.

– Вот скажи мне, Танюх, как толстая толстому, – начал я издаലെка, – ты сегодня взвешивалась?

– Да, а че? – напряглась она.

– Ты когда взвешивалась, какая у тебя динамика была?

– Чего?

– Сколько сейчас ты вешишь, и как изменился твой вес со вчерашнего дня.

– А... – фыркнула Татьяна. – Теперь понятно, а то «динамика», «хренамика» какая-то...

Она помрачнела, посмотрела на стенку, потом на свои ногти и начала пить чай.

– Татьяна? – Я поднял бровь.

Соседка шмыгнула носом и возмущенно воскликнула:

– Это ерунда какая-то! Я сегодня утром, после нашей пробежки, взвесилась, и там девяносто три и восемь! Вчера же девяносто два и шесть было, помнишь? Кило двести за сутки набрала, прикинь! Это как вообще?!

– Спокойно, это нормально, – сказал я, пододвигая ей чашку. – Вес в течение дня и даже недели может колебаться на полтора-два килограмма, и это не жир. Смотри: вчера ты взвешивалась после пробежки, обезвоженная, с пустым желудком.

– Ну так и сегодня так же!

– Значит, с вечера ты поела чего-то соленого, выпила воды на ночь, и организм задержал жидкость.

– Соленых огурчиков поела, да, – дерзко ответила она. – Там нет калорий, сам же говорил!

– Калорий нет, но есть соль. А соль связывает воду, ведь каждый грамм натрия удерживает примерно двести миллилитров. Плюс гликоген в мышцах тоже тянет на себя воду. Это не откат, не жир, повторяю, обычная физиология.

– Точно? – с надеждой спросила Танюха.

– Точно. Через пару дней все выровняется, если не будешь срывать. Ты же не срывалась?

Татьяна отвела глаза и нервно схватила кусочек сыра с тарелки.

– Ну, может, немножко... Там печеньки были, на работе

угощали...

– Вот тебе и ответ, – вздохнул я. – Но это не катастрофа. Главное, не превращать разовый срыв в систему. Поняла?

– Поняла, – понуро кивнула Татьяна.

Я еще раз разлил чай и строго посмотрел на нее.

– Татьяна, а зачем ты со Степаном себя так ведешь?

– Как?

– Так, что он тебя боится.

– Нажаловался уже поди стервец! – Она грохнула кулаком по столу. – Ну я ему!

– Стой-стой, куда? – Я покачал головой. – Степка твой ничего не говорил, да это и не нужно. Все и так видно. Лупишь его небось, орешь.

– Ну, даю по жопе, чтоб...

– Да дослушай уже. Не кричи. Во-первых, ты роняешь свой авторитет – это раз, а если еще при мне, то есть прилюдно, наорешь, он вообще замкнется в себе. Во-вторых, ты же его уже до такой степени зашугала, что он боится тебе рассказать о своих проблемах. Как только у него появились трудности, первое, что он сделал – пришел к соседу посидеть и спрятаться от матери. Ты понимаешь это?

Татьяна вытаращилась на меня, затем не глядя нервно схватила еще кусочек сыра и принялась жевать.

– И не к тебе он пошел, не к своей родной матери, а к совершенно чужому человеку. А ведь это неправильно. Ты должна быть у него первым другом, главным человеком в

жизни! – продолжал нагнетать я. – А еще представь такой вариант: он сейчас подрастет, а ведь он у тебя красивый будет...

Татьяна польщенно потупилась и пробормотала:

– Как и его пропавший без вести отец.

Я усмехнулся:

– И такого парня с руками-ногами быстренько отхватят и женят.

У Татьяны перекосило лицо, и она тяжело вздохнула – видимо, думала об этом не раз.

– И ты представь, Таня, если у тебя с ним не будет никакого внутреннего единения, он его найдет со своей женой. А вот ты отойдешь даже не на второй и не на третий план. Понимаешь ты это?

– Понимаю, – вздохнула Татьяна и посмотрела на меня умоляющим взглядом. – Что же делать?

– Как что? Менять свое отношение, уровень доверия и взаимодействия. Ребенок должен знать, что может прийти к тебе с любой проблемой и не получить за это по голове. Даже если он накосячил, даже если принес двойку или подрался. Сначала выслушай, потом разберись в ситуации, а уже потом, если надо, объясни, что он сделал не так. Но без воплей и без таскания за уши. Иначе он просто перестанет тебе что-либо рассказывать, и ты узнаешь о его проблемах последней, когда уже поздно будет что-то исправлять. А вообще, займись наконец парнем!

– Так я же деньги зарабатываю, – вздохнула Татьяна. – Постоянно занята. Ну правда, у нас же график такой, что там одних больше продвигают, и им дают больше заработка. А у меня уже что остается. Вот я и так рада, даже этим крошечкам. Набираю все, что дают. Потому что мы убираем в домах богатых людей, там и чаевые часто хорошие бывают. А одна женщина мне вообще такие красивые ботинки отдала! Вот и пашу как лошадь...

– Что пашешь – молодец. Но пацана своегопустишь. А представь, он сейчас в подростковый возраст войдет, начнет бунтовать, и что дальше?

Татьяна задумалась. Потомпустила слезу. Потом снова задумалась, позвала Степку и обняла. А эмпатический модуль показал, что женщину проняло, ей стыдно, и любит она своего сына больше жизни.

На этой ноте я выбил из нее обещание подумать над своим поведением и над системой воспитания, после чего отпустил их домой. Тем более Степке стих учить надо было.

Потом сидел на кухне и неторопливо пил чай, размышляя над перипетиями своей судьбы.

Странное дело: в прошлой жизни я оперировал министрами и олигархами, читал лекции в высокорейтинговых университетах и консультировал мировых знаменитостей, а здесь сижу в обшарпанной хрущевке, пью чай и учу соседку воспитывать ребенка. И, что самое удивительное, второе почему-то кажется не менее важным, чем первое. Может, даже

важнее. Потому что там я спасал тела, а здесь, похоже, пытаюсь спасти что-то посложнее.

В какой-то момент я осознал, что дома слишком тихо. Валера подозрительно покладисто сидел в своей лежанке, и у меня создалось впечатление, что он что-то замышляет.

И тут в дверь опять позвонили.

Глава 6

Открывая дверь, я думал, что вернулась Танюха, однако на пороге стоял Эдик Брыжжак, переминаясь с ноги на ногу.

– Привет, Серега! – улыбнулся он, хотя улыбка вышла какой-то грустной и натянутой. – Я не помешал? Хотел посоветоваться с тобой... очень надо.

Я пристальнее взглянул на него, машинально отмечая перемены. За те пару дней, что мы не виделись, Брыжжак преобразился: был гладко выбрит, аккуратно подстрижен, одет в чистую рубашку и уже не напоминал опустившегося человека с помятым лицом и потухшим взглядом. Цвет кожи, конечно, все еще был землистым, выдавая многолетнюю дружбу с алкоголем, но при этом сосед уже не вызывал столь острой жалости.

– Заходи, – сказал я, отступая в прихожую, – у меня не так много времени, но чай попить вполне можем.

– А чем это ты таким занят? – удивился Брыжжак, протискиваясь мимо меня в коридор. – В танчики режешься? Так вроде ты не по этим делам.

– К аттестации готовлюсь, – не стал вдаваться в подробности я.

На самом деле я хотел поработать с документами для суда, но объяснять это соседу было бы и долго, и бессмысленно. А вот что такое врачебная аттестация, он наверняка слышал.

– А... ну это да, – протянул Брыжжак, впрочем, неуверенно, и я понял, что не очень-то он и знает.

Мы прошли на кухню, где я подогрел уже остывший чайник и налил соседу ароматный чай из смородинового листа с ягодами калины. Такая смесь содержит природные антиоксиданты и витамин С, которые поддерживают иммунный ответ и снижают выраженность воспалительных процессов. Сам пил такое для профилактики простуды, да и нравилось мне это сочетание: вязковато-терпкое, с кислинкой, согревающее изнутри. В качестве угощения я поставил на стол нарезанную брынзу и гречишный мед в глиняной плошке.

Брыжжак скептически глянул на угощение, скривился, но все-таки взял себя в руки и храбро отхлебнул из чашки.

– Че это ты, Серега, вегетарианцем вдруг стал? – хмыкнул он, поморщившись от непривычного вкуса.

– Ты хочешь обсуждать мои пищевые привычки? – удивился я. – Так ты для этого сюда пришел?

– Да не, – смутился Брыжжак и, чтобы скрыть неловкость, отхлебнул еще раз, снова поморщившись. – Я про другое поговорить хочу. Просто удивился, что ты сыр с травой ешь.

– Он же вкусный, – пожал плечами я, – и полезный, с завтрака остался. Если хочешь, достану к брынзе из холодильника помидоры. Так еще вкуснее и еще полезнее.

– Не-е-к, не хочу! – замотал головой Брыжжак. – Я же не жрать пришел... а это... ну... это самое...

Он замялся, вертя в руках чашку.

– Говори все как есть, – подбодрил его я.

– В общем, я сегодня с сыном замирился, – смущаясь и краснея, поведал Брыжжак и с тихой гордостью добавил: – С младшим!

– Так это же замечательно! – обрадовался я. – Сначала с младшим, потом потихоньку и старший присоединится. Ты, главное, не торопи события, не нагнетай. Делай все, как мы в прошлый раз обсуждали: проводи интересные мероприятия с младшим, а он будет старшему рассказывать. Потихоньку и тот подтянется.

– Да уже... – широко улыбнулся Брыжжак. – Ну, почти подтянулся. Короче, я планирую с Петровичем, Мариком и Васькой Рыжим на эти выходные в Сорочьи Горы махнуть. На щуку. А там, может, и жерехов получится половить. У Васяныча своя моторка, а у Петровича снаряга и палатки есть. Так сказал малому, что рыбалка с ночевкой, а он чуть до потолка не прыгает, так хочет! И вроде старший тоже зажегся и просится. Так что поедem! А там уж замиримся!

– Рад за тебя, – сказал я и тут же добавил, понижая голос: – Вот только есть один момент.

– Какой? – напрягся Брыжжак, замирая с чашкой на полпути ко рту.

– На этой рыбалке ты можешь с сыновьями как помириться и дальше нормально общаться, так и все разрушить.

– Да как? – чуть не поперхнулся чаем сосед.

– А так, – сказал я. – Петрович и Васяныч водку пить сто-

процентно ведь будут?

– Ну а что это за рыбалка... – начал Брыжжак и осекся, сообразив.

– Во-о-от! – поднял я указательный палец. – Вижу, что сам уже все понял. От тебя жена ведь из-за твоих пьянок начала бегать. А потом совсем ушла, и дети ее поддержали. Устали от пьяного отца. А теперь ты поедешь с ними на рыбалку. И здесь у тебя два варианта. Первый: провести рыбалку, как привык. Выпить, закусить, душевные разговоры у костра завести. А в результате ты получишь полное отчуждение сыновей, потому что они увидят и убедятся, что их отец ни капельки не изменился.

– М-да... – Лоб у Брыжжака пошел морщинами, и он озадаченно запустил пятерню в шевелюру, портя тщательно уложенную парикмахером прическу.

– И есть второй вариант, – продолжил я. – Ты не пьешь, проводишь время с сыновьями, травишь рыбацкие байки, обучаешь их разводить костер, ставить палатку и так далее...

– Да как же... – все еще не мог прийти в себя Брыжжак, осознавая, как сам себя загнал в ловушку. – И что, даже два по пятьдесят нельзя? Под свежачок ушицу?

Он с надеждой заглянул мне в глаза, несколько не сомневаясь, что я сейчас скажу: можно, два по пятьдесят под такую ушицу, да у костра, сам бог велел, и все сразу встанет на свои места.

– А ты сможешь два по пятьдесят, и чтобы на этом все? –

задал я провокационный вопрос, и Брыжжак скис, словно из него выпустили воздух.

– Вот видишь, – подвел итог я, – поэтому выбирай одно из двух: или сыновья, или хорошие посиделки.

– Мужики ж не поймут, – хрипло прошептал Брыжжак потеряннным голосом.

– Поговори с ними, объясни, – пожал плечами я. – В крайнем случае ты всегда можешь не поехать, а сыновьям сказать, что не получилось, и провести с ними время по-другому. В кино сводить или парк развлечений. На ипподром, к примеру, съездить и на лошадях там покататься. Или в тир пострелять сходить...

– Угу... – задумчиво сказал Брыжжак и вдруг добавил твердым голосом: – Нет, Серега, ты прав! И хорошо, что сказал мне. Я же как выпью... да ты и сам все знаешь, какой я тогда...

Увы, я уже знал. Поэтому согласно кивнул.

Брыжжак вздохнул:

– Я с мужиками поговорю. Они поймут. Должны. Все в такой ситуации были.

Он умолк и задумчиво пил чай, глядя в окно. Судя по тому, как морщился, его одолевали не самые приятные думы. Я пил свой чай и не мешал ему размышлять, понимая, что сейчас соседу нужна тишина, а не советы.

И тут вдруг Брыжжак отставил чашку и сказал:

– Спасибо еще раз, Серега. Так и сделаю. Честно! Но я к

тебе по другому вопросу пришел.

– Излагай, – подавил вздох я, мысленно прощаясь с запланированной работой над документами.

Пять минут грозили растянуться на целый час. С одной стороны, грех человеку не помочь, тем более ему всего лишь совет нужен. Но, с другой стороны, кажется, я постепенно превращаюсь в Чипа и Дейла в одном лице для всего подъезда. А умел бы руками работать – был бы еще и Гаечкой.

– Да у меня же две беды только, – скривился Брыжжак. – Помириться с сыновьями и мать. С сыновьями ты насоветовал, и я почти помирился. А вот как с матерью быть?

– В каком смысле? – не понял я.

– Да она совсем того... ку-ку... – Он потерянно опустил голову, голос дрогнул. – А ведь такой светлый человек была, мухи не обидит. В городской библиотеке работала. На Доске почета висела. И откуда только на старости лет в ней столько черной злобы взялось, не пойму? Клянет меня, внуков, бывшую невестку, соседей, всех! И вот откуда что берется?

– А ты к врачам обращался? – спросил я, профессионально отмечая характерные признаки возрастных изменений личности. – В больницу ее не водил? На освидетельствование?

– Все делал, – махнул рукой Брыжжак. – Говорят, нормально все у нее. А ее злоба, мол, от плохого настроения и одиночества. А где у нее то одиночество? Я же сутки через двое работаю. А так-то дома постоянно. Иногда только на

рыбалку с мужиками. Но в последние два года это редко бывает. А так я дома...

— Значит, нужно к другим специалистам ее сводить, — сказал я, — или пригласить платного врача на дом.

— Слышь, Серега, — с надеждой посмотрел на меня Брыжжак, и я сразу понял, что сейчас будет просить. — А может, ты сам ее глянешь сперва, а?

— Да как же я гляну? — удивился я. — Эдуард! Ну что ты такое говоришь?! Я же хирург, а не психиатр. А тебе ее специалисту показать надо.

— Но ты же в этой своей... как там ее... академии медицинской... все же предметы учил? — не унимался сосед, цепляясь за последнюю надежду. — Что, про дуриков не учил, что ли? Ты только глянь и все. Если надо к специалисту — скажешь, и я поведу, гадом буду. А вдруг не надо? Вдруг, как говорил тот врач, это у нее реально тоска и одиночество? Кто ж их, баб, поймет... Просто ты пойми, когда у меня с пацанами все наладится, я бы потом их мог у себя оставлять ночевать. А когда она злобствует и клянет всех, да еще и молитвы эти все время читает, куда я их приведу?

С одной стороны, он был прав. Мне ужасно не хотелось ничего такого делать, памятуя о том, как закончился прошлый визит к его матери. Но и отказывать человеку в такой пустяковой просьбе было неудобно. Да и морального права отвернуться от человека я, пожалуй, не имел. Но с другой... По всем правилам мне нельзя этого делать: я уже не леча-

щий врач, да и работать психиатром на дому мне никто не давал полномочий. Но Брыжжак смотрел так, будто держится за последнюю соломинку, а я был единственным человеком, кому он еще верил. И если уж я свалился в роль соседа-врача, то хотя бы попробую не навредить.

Поэтому сказал:

– Хорошо, Эдуард, я посмотрю.

Брыжжак радостно вскочил было со стула.

– Но только посмотрю, – остановил его я. – Если скажу, что надо к врачу, ты сразу же и без возражений поведешь ее к врачу. Договорились?

Брыжжак закивал, словно китайский болванчик, и выглядело это настолько устрашающе, что откуда-то со шторы под карнизом зашипел Валера.

– Тогда пошли, – сказал я, поднимаясь из-за стола.

– Погодь, я сейчас только чашку после себя помою, – спохватился сосед, и я невольно улыбнулся: домовитый он, однако, когда трезвый.

А вслух сказал:

– Не надо, оставь. Я сам посуду мою. С содой. Кальцинированной.

– Так «Фейри» же лучше, – удивился Брыжжак.

– А это уже как последнее средство, если ничего больше не помогает, – пожал плечами я. – Стараюсь минимально химию использовать. Откуда ты знаешь, смылось то «Фейри» полностью с чашки или там пара молекул этой химии оста-

лась, и ты это потом пьешь вместе с чаем? Зачем лишний раз травить организм?

Брыжжак кивнул, соглашаясь, хотя по глазам было видно, что мыслями он уже совсем не тут.

Мы споро поднялись на следующий этаж, и Брыжжак отпер дверь ключом.

Вошли в квартиру. В лицо пахнуло ладаном, нафталином и тем неистребимым старческим духом, который поселяется в жилищах пожилых людей, за которыми давно не ухаживают: смесью застарелой пыли, несвежего белья и кисловатой затхлости. Ну и, конечно, сухой кожи – у стариков она постоянно шелушится, и очень важно питать ее увлажняющими кремами.

Интересно, сколько его матери лет? Судя по всему, раз Брыжжаку под тридцатку, то и мать его должна быть примерно возраста родителей моего теперешнего тела. Насколько я помнил, отцу Сереги было шестьдесят восемь лет, а мать чуть моложе. Значит, и матери Брыжжака где-то в диапазоне от шестидесяти до семидесяти.

Но ведь это прекрасный возраст! Если сумеешь удержать свое тело от совсем нехороших болячек, то самый приятный. Есть опыт, уже заработанные деньги и жилье. Дети выросли, внуки тоже уже не маленькие. И главное – пенсия и полная свобода. Живи да радуйся.

Для меня всегда были примером мои коллеги: академик Ломтадзе, Паша Иванеску, западные соавторы по научным

исследованиям. В свои восемьдесят с лишним они путешествовали по миру, бегали марафоны и жили полной жизнью. Ломтадзе вообще в семьдесят пять женился на красотке и стал отцом, причем, поражаясь самому себе, даже сделал тест ДНК и убедился, что папаша именно он. И дело тут не столько в хорошей генетике, сколько в том, что людям умственного труда жить интересно всегда, а когда у существования есть смысл, то и тело обходят болячки. Не закон, но закономерность.

Вот и Серегины родители приноровились. Живут и радуются. Да, пенсии маленькие, да сын балбес. Но они и на дачу ездят, и своими увлечениями занимаются. Я в прошлый раз видел на журнальном столике открытую художественную книгу и стопочку газет с разгаданными кроссвордами, и вязание в корзиночке.

А мать Брыжжака ударилась в какую-то ересь. Еще бы шапочку из фольги надела для полного антуража! Нет, я вообще не осуждаю людей, которые идут к Богу, Аллаху, Будде, Спящим богам или даже к самому Ктулху – это их выбор и духовная сторона жизни. И хорошо, когда человек находит поддержку и утешение в религии. Но здесь было явно не это.

Тут мысли мои прервали истошные завывания из комнаты – мать Брыжжака то ли молилась, то ли ругалась. Слов я не разобрал, но интонация не сулила ничего хорошего.

– Видишь?! – расстроенно махнул рукой сосед и тут же шикнул: – Да не разувайся ты! Здесь грязно!

– А чего ты не уберешься? – удивился я, оглядывая заляпанные плинтуса и серый от пыли линолеум.

– А толку? – вздохнул тот. – Тут сколько ни убирайся, один результат.

– Слушай, – прервал я жалобы Брыжжака, – а как твою мать зовут?

– Альфия Ильясовна. Она из кряшен, крещеных татар, – сказал он и добавил: – Я по отцу русский поляк, а по матери татарин.

– Понятно, – пробормотал я, не особо, впрочем, вслушиваясь в его слова.

Потому что навстречу нам вышла худющая женщина в черном одеянии и с иконкой в руках. Лицо изможденное, с запавшими глазами, скулы обтянуты пергаментной кожей.

– Изыди! – громко сказала она чуть дребезжащим старческим голосом.

– Прекращай, мать! – рявкнул на нее Брыжжак и густо покраснел, бросая искоса взгляды на меня. – Это Серега, сосед снизу. Он доктор. Посмотрит тебя.

– Именем священным и неизреченным, четверогласным, над вами властным, повелеваю: изыдите бесславно, лярвы, фавны, сирены, пенаты, инкубы, мань! Повинуясь слову, в бездну мрака злого от сосуда святого! Аминь!

Она размашисто перекрестилась и продолжила такой же торопливой скороговоркой:

– Экскорцизо те, иммундиссимэ спиритус, омнис инкур-

сио адверсарии, омнэ фантазма, омнис легио, ин номинэ домини ностри Йесу Христи эрадикарэ, эт эффугарэ аб хок плазматэ деи, ипсэ тиби импэрат! Амэн!

И с размаху треснула меня иконкой по башке.

Больно не было – иконка оказалась маленькой и легкой. Зато получилось обидно.

Брыжжак побагровел и хотел отобрать иконку, однако я мягко отстранил его рукой:

– Эдуард, ты после меня куда, говоришь, собирался?

– В магаз смотаться надо было, – растерянно пролепетал Брыжжак, тщетно пытаясь сохранить невозмутимый poker-фейс. – К Светке.

– Вот и иди, – велел я, – а мы тут с Альфией Ильясовной немножко побеседуем.

Брыжжак наконец-то врубился и моментально ретировался, обладая, видимо, искусством магической телепортации, не иначе.

И вот мы остались с его мамашкой одни.

Она крепко, до побелевших суставов на пальцах, прижимала к груди иконку и исподлобья смотрела на меня.

А я смотрел на нее. Ну же... давай, Система!

И то ли желание мое сработало, то ли бабка совсем плоха была, но что-то в моей голове щелкнуло, я ощутил слабость и сразу после этого увидел системное полупрозрачное окошко:

Диагностика завершена.

Основные показатели: температура 36,4 °C, ЧСС 78, АД

Обнаружены аномалии:

- *Легкое когнитивное расстройство (начальная стадия).*
- *Артериальная гипертензия (II степень).*
- *Признаки хронической церебральной гипоперфузии.*
- *Тревожно-депрессивный синдром.*

Факторы риска (по данным наблюдения):

- *пожилой возраст,*
- *длительная десоциализация,*
- *выраженная фиксация на религиозной тематике с утратой критики,*
- *эмоциональная лабильность, вспышки агрессии по отношению к близким.*

Рекомендовано: очная консультация психиатра и невролога, нейровизуализация (МРТ/КТ головного мозга), базовый когнитивный скрининг.

Хроническая церебральная гипоперфузия – недостаточное кровоснабжение мозга. Отсюда и когнитивные нарушения, и изменения личности. Классика для пожилых гипертоников, которые годами не лечатся.

– А теперь рассказывайте! – сказал я строгим голосом.

Бабка опешила, а я, врубив эмпатический модуль, понял, что среди ее эмоций преобладают страх, враждебность, подозрительность и, неожиданно, любопытство.

Очевидно, добровольно заточив себя в квартире с сыном-пропойцей, который все время или на работе, или ква-

сит по-черному, она совсем десоциализировалась. И появление нового человека вызвало осторожный интерес.

Что ж, на этом и сыграем.

– Рассказывайте! – повторил я и, грозно сдвинув брови, рывкнул: – Все рассказывайте!

– Антихрист ты богопротивный! – возмущенно сообщила мне Альфия Ильясовна и попыталась опять ткнуть мне иконкой в лоб.

Но я уже один раз «посвящение» прошел, поэтому был начеку и вовремя отпрянул.

– Не рази! – свирепо гаркнул я.

От неожиданности Альфия Ильясовна застыла как столб.

А я решил закрепить успех и строго добавил:

– Ты причащалась ли?

Альфия Ильясовна встревоженно икнула и отрицательно помотала головой. Вид у нее при этом был совершенно ошарашенный.

– Ну вот видишь! – нахмурился я. – Сама не причащалась, а нечестивой рукой разить хочешь! Тебя зачем здесь поставили?! Отвечай!

– Я храню дом от бесов, – пролепетала вконец деморализованная женщина.

– Плохо хранишь, – осуждающе покачал я головой. – Говори, что уже сделала! Мне ответ держать за тебя придется. Там!

Я ткнул пальцем вверх.

Альфия Ильясовна посмотрела на потолок с потрескавшейся побелкой, и на ее лице разлилось счастливое, умиротворенное выражение.

– Ты квартиру проверила? – продолжил я. – Есть тут беды?

Альфия Ильясовна с фанатично светящимися глазами начала крутить головой, мол, нету, все чисто.

– А дом?

Она вытаращилась на меня с изумлением.

Я печально вздохнул:

– Ну и конечно. Чисто женская логика. Тебе легче разить бесов каждый день в квартире, потому что лень обойти дом и очистить его.

Альфия Ильясовна стыдливо покраснела, опуская глаза.

– Значит так, – сказал я. – Слушай сюда внимательно.

Старушка слушала меня, затаив дыхание.

– Квартиру прибрать. Обед приготовить. Сына кормить. Ничего ему о бесах не говорить. Слаб он еще, понимаешь?

Альфия Ильясовна понимала.

– Слаб человек в страстях своих, – обличительно молвил я и подмигнул.

Альфия Ильясовна понятливо кивнула и подмигнула в ответ.

Контакт был установлен.

– Когда приведешь квартиру в божеский вид, – сказал я заговорщицким голосом, – постираешь все, погладишь. На

окнах нужно тюль повесить. Выстирать и повесить. Бесы не пройдут через тюль. И ковер. Надо достать и постелить ковер. А то вдруг в полу щели? А так ковер закроет пол, и будет нормально. Только стелить на чистый пол. Да ты сама лучше знаешь...

Альфия Ильясовна знала. Но все равно польщенно зарделась от похвалы.

– А мы потом с тобой обойдем дом. А ведь еще и улица. И весь город. И кто это делать должен, а? – сурово посмотрел на нее я. – Заперлась в квартире, сидит тут! А делов-то, делов сколько! В общем, сиди тут, делай все и жди сигнала. Поняла? И главное – никому ни слова! А то узнают и... сама понимаешь же...

Модуль настроения показал, что ее спектр эмоций изменился: теперь преобладали умиротворение, спокойствие, надежда и радость.

Что и требовалось доказать.

– И чуть не забыл, – хлопнул я себя рукой по лбу, – цветы же! Вазоны. Умеешь высаживать растения?

Альфия Ильясовна кивнула.

– Цветы посадить. Поливать. Числом тридцать три. И в подъезде тоже расставить. И поливать. И чтобы количество вазонов было по количеству квартир. Поняла? А я потом приду, проверю.

Альфия Ильясовна улыбалась. Она была счастлива.

После этой вводной я с чувством выполненного долга по-

кинул квартиру соседей. Чипа и Дейла из меня, конечно, не вышло, но функции Гаечки я, кажется, освоил. Вправил мозги, скажем так. Починил крышу.

Но к психиатру и неврологу бабушке все равно нужно. И обязательно к кардиологу – нормализовать давление.

А вот дома меня ожидал сюрприз почище тихих безумств соседки: скотина Валера вскочил на стол и сожрал всю брынзу.

Глава 7

Решив вопрос с мамой Брыжжака, я наконец-то смог посвятить время собственным проблемам.

Вчера, следуя инструкциям Костроминой из банка, я подал заявление на портале «Работа России». Статус безработного обещали присвоить в течение нескольких дней, так что пока я просто заходил в личный кабинет и добросовестно тыкал в вакансии, изображая бурную деятельность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.